

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Пройти
чистилище

ЭКСМО

Обретение ада

Чингиз Абдуллаев

Обретение ада

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Обретение ада / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (Обретение ада)

Агенты ЦРУ плотно «обложили» легендарного разведчика-нелегала Юджина. Его арест неизбежен. Но профессионал обязан выполнить свой долг до конца. Разворачивается головокружительная операция, в которой в смертельной схватке сошлись лучшие аналитики и оперативники русской, американской и немецкой разведок. Убийства резидентов, взрывы машин, изощренная борьба интеллектов, а в центре всего – Юджин, человек без нервов, настоящего имени которого почти никто не знает.

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Чингиз Абдуллаев

ОБРЕТЕНИЕ АДА

*Смотрю на правую сторону и вижу, что никто не признает меня:
не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей.
Псалтырь, псалом 141,4*

*Автор выражает благодарность всем бывшим и настоящим
сотрудникам КГБ–ФСК–ФСБ–СВР за их помощь в создании этой
книги. Автор предупреждает, что данный материал не может быть
использован в суде в качестве свидетельских показаний.*

Часть 1

ЕГО ПРОШЛОЕ

ПРАГА. 8 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Он терпеливо ждал появления связного. Его удивил этот неожиданный вызов, когда звонивший потребовал столь срочной встречи. Впрочем, после провалов в Великобритании и Франции они наверняка должны были забеспокоиться. И начать действовать, не ожидая, когда будет раскрыта еще одна цепь агентурной разведки КГБ в мире.

Он вздохнул. Падение берлинской стены сделало их всех заложниками этой ситуации, когда объединившаяся Германия поглотила не только восточногерманское государство, но и одну из самых эффективных спецслужб мира – разведку ГДР, делавшую так много полезного для своего союзника по Варшавскому блоку. Одновременно были развалены и достаточно эффективные польская и чехословацкая разведки. Это был не просто развал старого мира, это был развал всей системы разведывательных операций за рубежом, когда КГБ и ГРУ лишились почти всех своих союзников. И поэтому приходилось срочно латать старые дыры и избавляться от ставших обременительным балластом агентов, уже попавших под наблюдение других спецслужб.

Связной опоздал на десять минут. И появился, как всегда, нервничая. Хотя он, по логике вещей, мог не беспокоиться. Он пользовался дипломатическим иммунитетом, и у него был свой зеленый паспорт дипломата, который поможет ему в случае провала благополучно выехать из страны, избежав ареста. В прежние времена об этом даже не думали. Прага была так же безопасна, как Киев или Минск. Сотрудники посольства и КГБ чувствовали себя в братских социалистических странах почти как у себя дома. И вот все рухнуло. В Чехословакии, к счастью, обошлось без подобию румынских эксцессов. Произошла «бархатная» революция, социалистический режим был развален мирно и без кровопролития. И пришедший теперь связной из посольства действовал уже в другой стране и с другими условиями работы. Это и предопределяло все его нервные ужимки. Они знали друг друга в лицо достаточно давно, поэтому обошлись без ненужных паролей и приветствий.

Связной сел рядом с резидентом на скамью.

– Как дела? – спросил он, доставая сигареты.

– Это я должен спрашивать, – пробормотал резидент, – может, вы наконец объясните столь срочный вызов? Я бросил все свои дела, чтобы примчаться сюда.

– Правильно, – сказал связной, – получен новый приказ из Москвы. Срочно сворачивайте всю работу и выезжайте в Болгарию, оттуда можете вернуться в Москву, вам будут подготовлены соответствующие документы.

– В Болгарию, – усмехнулся резидент, – у них такой же бардак, как и везде. Раньше из Западной Европы ездили через ГДР или Чехословакию. Новые времена?

– Мне не поручали обсуждать с вами такие детали, – нервно заметил связной.

– Конечно, не поручали. Значит, конец. – Резидент вздохнул, поднимаясь со скамьи. Он знал, что задерживаться во время подобных встреч нельзя. – Передайте, я все понял. Завтра утром вылетаю в Софию. Канал связи прежний?

– Да, – сегодня связной нервничал более обычного.

– Вас что-то беспокоит? – спросил резидент.

– Нет-нет, ничего. Просто мне хотелось бы поскорее закончить нашу встречу. Что у вас по нашей группе войск в Германии? Вы подготовили все документы?

– Да, конечно. Я возьму их с собой. Очень неприглядная картина.

– Я передам в Москву. В Софии вас будут ждать.

– Прощайте, – кивнул резидент.

– Прощайте, – поднялся связной, – желаю успехов.

И ушел не оглядываясь.

«Какая глупость, – подумал резидент. – Именно сейчас, когда у нас столько потерь, сворачивать работу в ГДР и Чехословакии». Может, им нужны результаты работы его группы? Но почему такая спешка? Он мог бы принести еще много пользы. Да и полученные материалы позволяют сделать очень неприятные выводы. Напрасно его отзывают. В таких случаях нельзя было возражать, но они могли бы узнать и его мнение. Резидент посмотрел на часы и заторопился к своей машине. Он уже видел свой автомобиль, уже доставал ключи из кармана, когда внезапно почувствовал сильный толчок в спину. И сразу ощутил боль. Резидент был сильным человеком. Он еще успел повернуть голову и увидеть стрелявшего, а увидев – удивиться. И это удивление было последнее, что он испытал в своей жизни. Второй выстрел в сердце свалил его на землю.

Стрелявший оглянулся. На этой тихой улочке обычно никого не бывало. Он убрал оружие с надетым глушителем в карман длинного пальто и наклонился над убитым. Когда через полчаса прибыла полиция, она обнаружила уже начинавший холодеть труп.

МОСКВА. 9 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Они были в кабинете втроем. Разговора не получалось. Один из сидевших за столом сознавал, что это его последний визит в Кремль. Больше его сюда никогда не позовут. А если и позовут, то по случаю очередного юбилея или какого-нибудь праздника, на который он должен явиться, нацепив все свои награды. Рядом с ним сидел другой генерал, его многолетний друг и ныне руководитель. Первый из генералов знал, что решение о его отставке принималось непосредственно в Политбюро. Без согласия с самим Президентом убрать фигуру такого масштаба, как он, не могли. И поэтому он почти спокойно сидел напротив Президента страны и слушал его путаную, нечеткую речь с характерным южнорусским говором.

– Мы благодарим вас за службу, – в который раз сказал Президент, – вы всегда бывали почти на передовой. Кажется, мы вас не жалели.

Генерал слушал его молча. Он уже успел высказать свое мнение о надвигающихся событиях, но Президент, как обычно, часто перебивал, не давал закончить фразы, задавал вопросы. Все было ясно. Теперь в услугах генерала больше не нуждались. Один из самых лучших специалистов КГБ отправлялся в почетную ссылку, в «райскую группу» генеральных инспекто-

ров Министерства обороны СССР. По должности в нее входили маршалы и генералы армии, уже отошедшие ото всех дел и получавшие эти надуманные посты. Генерал понимал, что он – выброшенная карта. Январское противостояние в Литве он уже не возглавит. Президент сдает его, уступая давлению. Сейчас все говорят о наступлении консервативных сил, и Президент, как всегда, маневрирует, отправляя в отставку самого яркого, как ему самому кажется, представителя этих сил.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков работал в органах КГБ почти полвека и занимал должность первого заместителя председателя КГБ СССР. В последнее время нападки именно на него особенно усилились, так как Бобков возглавлял знаменитое Пятое управление КГБ СССР, боровшееся с идеологической диверсией внутри государства и фактически являвшееся куратором творческих союзов, научных и культурных учреждений на местах. Горбачев не мог и не хотел больше терпеть этого генерала. И сегодня наконец принял решение расстаться с ним. Как обычно, он много говорил о заслугах генерала, а в конце вдруг добавил:

– Сложные наступили времена для всех нас. Детям и внукам нелегко придется.

Бобков изумленно посмотрел на него. Потом на сидевшего рядом с непроницаемым лицом председателя КГБ Крючкова. Но тот молчал. И Бобков тоже промолчал.

В Комитет государственной безопасности они возвращались в автомобиле Крючкова. Бобков, сидевший рядом, вдруг спросил, обращаясь к своему бывшему руководителю:

– И что ты про все это думаешь?

– Не знаю, – признался Крючков, – просто не знаю. Сам удивляюсь.

– Думаешь, что-нибудь изменится?

Крючков молчал. Он думал, можно ли доверить новости своему старому знакомому, генералу, которого он знал несколько десятилетий и в чьей честности и порядочности не сомневался. И наконец решился. Все-таки сегодня был такой день.

– Поднимемся ко мне, – предложил Крючков, не решаясь говорить даже в своем автомобиле.

Сегодня в свой большой кабинет он вошел вторым, первый раз в жизни он пропустил сначала Бобкова впереди себя. Пройдя через кабинет, они вошли в комнату отдыха, поражающую всех своим строгим аскетизмом. Крючков, не любивший горячительных напитков и наложивший строгий запрет на их употребление сотрудниками КГБ, сам достал бутылку водки, решив, что сейчас можно сделать исключение. Разлил спиртное в две рюмки и, протянув одну своему бывшему первому заместителю, вдруг сказал:

– Все будет хорошо.

Бобков понял. Он не стал ничего спрашивать. Просто все понял. Для этого он слишком много лет работал в КГБ.

– Спасибо тебе, – сказал он, поднимая рюмку.

– За детей и внуков, – добавил председатель КГБ.

И больше ничего не сказал. Он не сказал даже такому проверенному человеку, как Филипп Бобков, что уже вчера по распоряжению Президента страны он приказал аналитикам готовить документы о возможности введения в стране чрезвычайного положения. Впрочем, Бобков все понял сам. И не стал задавать никаких вопросов.

НЬЮ-ЙОРК.

10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

По этим длинным коридорам он ходил уже много лет. Теперь, направляясь к своему кабинету, расположенному в правом крыле здания, заместитель директора ЦРУ Александр Эшби уже не торопился. Достигнув столь высокого положения, он мог позволить себе самому назначать время встречи для приема очередных гостей. А гости сегодня должны были приехать из ФБР. Эшби не любил эту организацию, как все разведки не очень жалуют контрразведку. По их глубокому убеждению, в контрразведке сидят никудышные профессионалы, так и не сумевшие утвердить себя на другом поприще, в том числе и в разведке. Кроме того, разведчикам всех стран была неприятна сама мысль, что в мире существует слишком много организаций, специализирующихся в том числе и на их провалах.

Войдя в приемную, он кивнул своему секретарю, всегда сдержанной и строгой миссис Хейворд, и прошел в свой кабинет. Эшби даже не успел открыть лежавшую на столе папку с приготовленными для него документами, когда звонок миссис Хейворд возвестил, что посетители уже ждут встречи с ним. Эшби посмотрел на часы. Эти ребята появились с потрясающей точностью, минута в минуту. Он закрыл папку и поднялся, собираясь встретиться с представителями ФБР. Дверь открылась, и в комнату вошли два человека. Одного он не знал. А вот второго...

Это был знаменитый Томас Кэвеноу, одна из лучших ищек ФБР, специализирующийся на поимке иностранных шпионов и имеющий в своем активе немало достижений. Темнокожий Кэвеноу работал в органах ФБР еще со времен Гувера и сумел стать одним из лучших специалистов в своем деле, несмотря на традиционное недоверие к нему в начале карьеры. Эшби знал его уже много лет. Поэтому, увидев их, он, улыбаясь, пошел навстречу, протягивая руку.

– Добрый день, мистер Кэвеноу. Я не думал, что пришлют вас.

– Они решили вспомнить о таком старом специалисте, как я, – проворчал Кэвеноу и показал на своего спутника, – это Билл Хьюберт, раньше он работал у меня в отделе.

– Я рад видеть вас, мистер Хьюберт, – пожал и ему руку хозяин кабинета.

– Кажется, мы не виделись уже несколько лет, – напомнил Эшби.

– Шесть, – подтвердил Кэвеноу, – ровно шесть лет. С тех пор, как мы вынуждены были отпустить из тюрьмы одного подозреваемого.

Эшби кивнул ему, вспоминая тот случай.

– Вы помните его до сих пор?

– Я убежден до сих пор, что это был русский шпион, – угрюмо ответил Кэвеноу, – просто мы не смогли тогда этого доказать. А потом он уехал из Америки.

– Да, – подтвердил Эшби, – я помню то давнее дело. Тогда я был начальником отдела и был в курсе ваших решений. Но это уже история.

– Нам тогда просто не повезло, – упрямо заметил Кэвеноу, – и он ушел от нас. Мы не смогли его достать.

Эшби не ответил. У него были свои причины молчать. И он не собирался больше вспоминать о том досадном случае.

– У вас ко мне дело, – напомнил он, чтобы отвлечь посетителей от неприятных воспоминаний.

Кэвеноу кивнул и стал излагать причину, побудившую их приехать в Лэнгли. Разговор занял около получаса. Лишь прощаясь, Эшби позволил себе снова вспомнить то дело.

– До свидания, мистер Эшби, – сказал Кэвеноу. – У вас больше не было никаких сведений о нашем бывшем подопечном?

– Он, кажется, в Канаде, – заметил Эшби, и Кэвеноу замер, посмотрев ему в глаза. Но, не сумев ничего прочесть, гость отвернулся и вышел первым из кабинета. Следом вышел Хьюберт.

Лишь после ухода гостей Эшби, словно вспоминая что-то, позвонил миссис Хейворд.

– Пригласите ко мне мистера Бэннона. И найдите Уильяма.

– Его нет на месте, – почти сразу ответила миссис Хейворд.

– Найдите, – попросил Эшби, – мне он очень нужен.

Только через полтора часа он наконец увидел в своем кабинете Уильяма Тернера. Это был еще молодой человек тридцати пяти лет. Буйная шевелюра и небрежность в одежде не соответствовали его изумительным аналитическим способностям, которым Эшби отдавал предпочтение. Сам прекрасный аналитик, прошедший суровую школу ЦРУ, Эшби ценил толковых сотрудников, не обращая внимания на постоянную небрежность Тернера в одежде и в стиле работы. Тернер мог вполне опоздать на вызов высокого начальства, мог вообще не приехать в свой отдел вовремя. Но все знали, что порученную ему задачу он всегда решает феноменально простым и самым быстрым способом. Вот и сейчас Тернер появился в кабинете Александра Эшби без галстука, но зато с весьма довольной физиономией.

И почти сразу, словно он ожидал в приемной за дверью, появился руководитель специальной группы, созданной в ЦРУ три года назад, мистер Арт Бэннон. В отличие от своего коллеги это был коротышка с большой теменной лысиной, одевающийся всегда, даже летом, в подчеркнута строгие темные костюмы. Полковник Бэннон был офицером, имеющим опыт работы в Пакистане и в Африке. Последние годы, по предложению самого Эшби, он возглавлял в ЦРУ специальное подразделение внутренней контрразведки, одно из самых элитарных подразделений ЦРУ.

– Есть что-нибудь интересное? – спросил Эшби.

– Ребята поработали на компьютере, – сообщил Тернер, – я сидел в аналитическом управлении и попросил отключить все телефоны.

– Я искал вас полтора часа, – заметил заместитель директора ЦРУ.

– Мне сказали, – чудовищно беззаботным тоном сообщил Тернер, – но мы отключили все телефоны и здорово поработали. Кажется, нам удалось установить шифр восточных немцев, который они использовали у нас. Ключ был в тех самых документах, которые мы изъяли в Берлине.

Бэннон немного нахмурился. Ему не нравился ни вид молодого повесы, ни его развязный тон. Но в кабинете Эшби он предпочитал молчать.

– Интересно, – согласился Эшби, – нужно выяснить, не использовался ли подобный шифр и на территории Западной Германии.

– Вы думаете, там остались восточногерманские шпионы? – понял Бэннон.

– Конечно, остались. И мы смогли бы при соответствующем подходе переориентировать этих людей, предложив сотрудничество с нами, – очень выразительно заметил Эшби.

– Да, – согласился Бэннон, – это очень перспективная идея.

– Что у нас по Вакху? – спросил Эшби. – Я надеюсь, вы помните, что это ваш главный объект.

– Да, конечно. Он по-прежнему живет в Торонто. За последние три месяца был дважды в Америке. В основном приезжал в Нью-Йорк и Вашингтон. Мы составили список людей, с которыми он встречался. Как всегда, ничего необычного. Его деловые партнеры, помощники, юристы-консультанты фирмы.

– К нему кто-нибудь приезжал?

– Почти никто. Его помощник, его юрист-консультант и конгрессмен от штата Луизиана. Я вам об этом докладывал. Она прилетала к нему несколько раз. Причем билеты каждый раз покупал он сам – туда и обратно. Похоже, у них просто любовная интрижка.

Бэннон докладывал, как всегда, сухо и скучно.

Уильям Тернер оживился.

– Кажется, у вас есть свой особый объект?

– Поэтому я вас и пригласил, – кивнул Эшби. – Я хочу, чтобы вы со своими ребятами подключились к группе Бэннона. Вот уже несколько лет они ведут разработку одного очень перспективного дела, но пока не могут найти никаких серьезных подтверждений своей версии.

– Они ведут наблюдение за определенным человеком, – понял Тернер.

– Да. И этот человек, по нашим предположениям, один из главных резидентов советского КГБ в этой части света. Шесть лет назад он был даже арестован по подозрению в шпионаже, но у ФБР против него ничего не нашлось. И тогда его отпустили, после чего он перебрался в Канаду, – сообщил Эшби. – Я лично тогда занимался этим делом. И считаю, что советская разведка просто смогла обмануть нас, подставив вместо него другого агента.

– Каким образом? – поинтересовался Тернер.

– Шесть лет назад вместе с англичанами мы вели сложную игру против их разведки. Тогда мы были убеждены, что их главный резидент – Вакх, как называли его тогда в ФБР, арестован. Но русские придумали против нас гениальный трюк. Они отпустили находившегося под наблюдением уже проваленного резидента английской разведки полковника Олега Гордиевского. И прислали к нам своего лжеперебежчика Юрченко.

– Я слышал об этом деле, – кивнул Тернер, – но не знал подробностей. Кажется, Юрченко выдал нескольких человек и снова вернулся в СССР?

– Вот именно, – продолжал Эшби, – он выдал нам Пелтона¹. И мы просто обязаны были отпустить этого Вакха. Мы тогда не имели против него никаких доказательств. Предательство Пелтона вынудило нас поверить в то, что именно он был главным информатором советской разведки о наших электронных и компьютерных разработках. Тогда полетели многие головы. Ушел в отставку даже Роберт Макфарлейн, помощник Рейгана по национальной безопасности. Мы еще тогда подозревали, что советская разведка ведет с нами интересную игру. И после повторного бегства Юрченко наши предположения подтвердились.

– Вакх – это советский агент-нелегал? – понял Тернер.

– Вот именно. Знакомьтесь, Кемаль Аслан. Родился в Филадельфии в 1946 году. Отец – турок, мать – болгарка. Вот их фотографии. В начале пятидесятых они возвращаются в Болгарию. После смерти отца Кемаль мать увозит его на родину.

– Он получил американское гражданство при рождении, – понял Тернер.

– Потом они поселились недалеко от Софии в маленьком городке Елин-Пелин. Там и прошло детство Кемалья, его юные годы. Потом он поступил в институт, закончил его и уже начал работать, когда попал в страшную катастрофу и получил серьезные травмы, даже временную кому.

Тернер внимательно слушал.

– Врачам удалось вывести его из этого состояния. Потом за ним приехал его дядя, живущий в Турции. Другой брат его отца – Юсеф Аббас – жил в это время в Хьюстоне. В семьдесят четвертом Кемаль переехал к дяде в Измир, а через год уже к другому дяде в США. Осел в Хьюстоне, через несколько лет женился. Жена – Марта Саймингтон из очень известной семьи. Ее отец был самым известным бизнесменом Техаса.

– Нефтяное оборудование семьи Саймингтон, – кивнул Тернер, – я читал про них много интересного.

¹ Советский офицер КГБ Виталий Юрченко действительно перешел к американцам и выдал ряд агентов КГБ, в том числе наиболее ценного из них Рональда Уильяма Пелтона, ведущего сотрудника Агентства национальной безопасности США. После этого Юрченко вернулся обратно в СССР, что позволяет сделать вывод о его «ложном» переходе. Подробнее об этом смотри книгу Чингиза Абдуллаева «Пройти чистилище».

– От этого брака у Кемаля Аслана был один сын, родившийся в семьдесят девятом. Теперь ему уже двенадцать лет. После смерти своего дяди Кемаль Аслан возглавляет фирму и через несколько лет добивается поразительных успехов в бизнесе. В ноябре восемьдесят третьего Кемаль переехал в Нью-Йорк. Через два года он развелся с женой, но с сыном продолжает встречаться довольно часто. У нас были серьезные основания для его ареста. Поступили сообщения, что КГБ знает практически все обо всех наших операциях, так или иначе затронутых поставками оборудования с предприятий Кемаля Аслана или связанных с ним поставщиков. Но арест Пелтона спутал тогда все планы. Теперь мы понимаем, что русские специально подставили нам Пелтона, чтобы вытащить из-под удара Кемаля Аслана. Но это пока только наши предположения.

– Эта конгрессмен из Луизианы – его женщина? – спросил Тернер.

– Да, – ответил Бэннон, – раньше она была даже вице-губернатором штата. Они встречаются уже много лет.

– И больше ничего? – изумленно спросил Тернер. Бэннон отвернулся.

– Они работают с ним три года, но пока нет никаких конкретных результатов, – сказал Эшби. – Нам интересно и ваше мнение, Уильям. Мы могли бы направить вас в командировку в Болгарию. Теперь, когда рухнул «железный занавес», это совсем не трудно. Кроме вас, полетит Томас Райт. Он вам поможет. Райт работал и раньше в Болгарии, хорошо знает обстановку в стране, говорит сразу на нескольких славянских языках, в том числе и на болгарском.

– Вы хотите, чтобы я проверил его биографию? – понял Тернер.

– И вообще всю его жизнь, – кивнул Эшби. – Мы должны знать, кто он на самом деле. Завербованный КГБ несчастный турок, случайно оказавшийся у них на крючке, или резидент-нелегал, профессиональный офицер КГБ. Согласитесь, это многое меняет.

– Есть еще третий вариант, – пробормотал Тернер.

– Какой? – оживился Бэннон.

– Может, он вообще ни при чем и мы ошибаемся, – улыбнулся Тернер. – Такой вариант вы исключаете?

Бэннон фыркнул от негодования. Эшби раскрыл папку с личным досье Кемаля Аслана.

– Не может, – спокойно сказал он, – вот его донесения в Москву. Он их агент. И мне нужно знать только одно. Он настоящий Кемаль Аслан или подставное лицо? Вот что мне нужно срочно выяснить. Поэтому нам и понадобилась ваша помощь.

МОСКВА. 10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

В последние дни его больше всего волновало положение в Прибалтике. Особенно в Литве. Неудачная поездка в Литву Михаила Сергеевича, так и не сумевшего убедить литовцев в неправильности их пути, откровенно националистические лозунги в Вильнюсе, нескрываемая пропаганда за выход республики из Союза – все это не могло не волновать председателя КГБ. В прошлом году, как раз в это время, они не смогли взять ситуацию под свой жесткий контроль, и в Баку пролилась кровь. А введенные затем войска только усугубили положение, расстреляв сотни случайных горожан. Теперь в Литве нужно было не допустить ни тбилисского развития событий апреля восемьдесят девятого, ни бакинского – января девяностого.

Крючков с возрастающим изумлением и горечью получал сообщения из разных концов страны о нарастающем хаосе, развале страны, полной дезориентации властных структур на местах. Ставший председателем КГБ лишь при Горбачеве, в восемьдесят восьмом году, он встал во главе самой крупной спецслужбы мира и с ужасом убеждался, что возможности КГБ далеко не беспредельны. Даже внедренные в литовский «Саудис» сразу несколько десятков платных агентов КГБ не смогли переломить ситуацию в республике. Впрочем, годом раньше

подобная история случилась и в Баку. Там тоже в руководстве Народного фронта Азербайджана было достаточно агентов КГБ. Но вместо того, чтобы своевременно информировать руководство республиканского КГБ о надвигающейся угрозе, они сами становились главными зачинщиками беспорядков, считая, что таким противоестественным образом снимают с себя подозрения в причастности к агентуре госбезопасности.

Сегодня утром он наконец принял решение, разрешив перебазироваться в Литву специальному подразделению КГБ – группе «А», которая уже успела отличиться двенадцать лет назад, взяв дворец Амина в Кабуле. Журналисты называли эту группу «Альфой», но в документах КГБ она проходила как группа «А». И, разрешив поездку группы в Вильнюс, Крючков понимал, что остановить уже ничего нельзя. Маховик был запущен. Целый день он думал только о Литве, когда вечером позвонил новый начальник Первого главного управления, руководитель советской разведки, ставший его преемником, – Леонид Владимирович Шебаршин.

– Владимир Александрович, у меня есть срочное сообщение, – доложил своим красивым голосом Шебаршин.

– Приезжайте ко мне, – разрешил Крючков.

Из Ясенева, где находился главный центр советской разведки, Шебаршин доехал за полчаса. Еще через пять минут, уже в кабинете Крюčkова, он коротко докладывал о случившемся в Чехословакии.

– Убит наш резидент в Праге. Мы узнали об этом только вчера. Он должен был лететь в Болгарию.

– Как убит? – нахмурился Крючков. – В посольстве должны были знать.

– Это не местный резидент, – пояснил Шебаршин, – убили Валентинова.

Михаил Валентинов был специальным резидентом КГБ, отвечавшим за границу между Чехословакией и Германией. После развала ГДР в руководстве КГБ решили таким образом усилить местные резидентуры ГДР и Чехословакии. Валентинов работал автономно от резидентур КГБ в Берлине и Праге со специальным заданием.

– Подробности известны? – спросил Крючков.

– Последним его видел наш связной. Валентинов был убит у своей машины. Видимо, сразу после встречи со связным.

– В Праге знали о его миссии?

– В нашей резидентуре никто не знал, – сообщил Шебаршин, – вообще непонятное убийство. Связной сообщил, что Валентинов обещал привезти в Софию документы работы его группы.

– А где документы? – нахмурился Крючков.

– Не нашли, – глухо произнес Шебаршин. Ему было неприятно это говорить, но он сумел произнести эти два слова.

– Как это «не нашли»? Убийца похитил документы, – окончательно разозлился председатель КГБ, – это же самое настоящее ЧП!

– У нас нет сведений, что документы попали в чьи-то чужие руки. За несколько минут до смерти Валентинов сказал связному, что у него есть документы, рисующие «очень неприглядную картину». Он так и сказал – «неприглядную картину». И обещал привезти документы в Софию. Но связному кажется, что документов в тот день у нашего резидента не было. Он обещал взять их с собой в Софию.

– Почему вы придумали ему такой непонятный маршрут?

– Нам казалось, так будет надежнее. Лететь прямым рейсом в Москву он не мог, вы же помните: он действовал по паспорту болгарского гражданина. Мы не хотели рисковать.

– И получили в результате труп Валентинова, – подвел итоги Крючков. – Вы считаете это нормальным?

– Я уже распорядился. Мы постараемся найти документы и выйти на возможных убийц нашего резидента.

– Кто знал о его задании?

– Практически никто. Но мы проверяем всех наших офицеров. Самое главное, что Валентинов не оставил документов ни в Берлине, ни в Праге, мы проверяли. В этом деле все достаточно запутано.

– Сейчас много непонятного, – горько сказал Крючков, – пошлите специалистов, профессионалов. Подключите, если нужно, местную резидентуру. И вообще, нам необходимо пересмотреть работу одиннадцатого отдела ². Или его расформировать, или называть по-другому. Нужны другие формы работы. И проверьте свою агентуру.

– Да, – согласился Шебаршин, – сейчас нужно все менять. Видимо, нужны новые люди. Старые достаточно себя скомпрометировали. Кроме того, многие из них известны на местах. Мы как раз исходим из того, что нужно постепенно отказываться от их услуг, вводя новых людей.

– Конечно, – согласился Крючков, – работайте на перспективу. Мы пока не знаем, чем все это кончится.

И вдруг он сказал слова, которые не должен был говорить, просто не имел права:

– Может, нам еще придется все восстанавливать в разрушенных соседних странах.

Шебаршин понял все с одной фразы. Он кивнул головой.

– У нас возникла еще одна проблема, Владимир Александрович, – осторожно сказал он, понимая, что нужно изменить тему разговора. – ЦРУ получило некоторые сведения о Юджине.

– Только этого не хватало, – окончательно расстроился Крючков, – откуда у них могут быть такие сведения? Вы проверяли информацию? Кто ее вам передал?

– Это сообщение Циклопа, – очень тихо сказал Шебаршин. Об агенте Циклопе знали в КГБ лишь несколько человек. И практически никогда не говорили. Это был самый ценный агент КГБ в ЦРУ. К тому же именно ему поручали разработки новых операций ЦРУ против КГБ. Циклоп был наиболее важным агентом КГБ в начале девяностых. Но Юджин был не менее ценным агентом, которого Крючков знал лично.

Он хорошо помнил Юджина. Семнадцать лет назад он лично вместе со своим покойным шефом Юрием Владимировичем Андроповым отправлял офицера КГБ в это трудное путешествие. Юджину удалось продержаться целых семнадцать лет. Это было невероятно, невозможно, но он держался. И если Циклоп был штатным сотрудником ЦРУ, согласившимся работать на КГБ, то Юджин был офицером советской разведки, нелегалом, работавшим в Северной Америке.

– Что думаете делать? – спросил Крючков. – Его нужно срочно отзывать.

– Будем отзывать, – осторожно начал Шебаршин, – но мы хотим сделать это с минимально возможными потерями. Использовать Юджина для операции в Германии. Это облегчает его переход и позволяет проконтролировать большую часть денег, которыми он располагает. Да и операция в Германии очень важна.

– Это большой риск, – задумался Крючков, – вы хотите использовать Юджина в качестве наживки. А если нам порвут удочки?

Шебаршин молча смотрел на председателя КГБ. Он ждал его решения. Крючков закрыл глаза, вспоминая тот холодный день, когда они вместе с Андроповым приехали провожать Юджина. Как много лет прошло с тех пор! Покойный Андропов даже в страшном сне не мог представить себе, что произойдет лишь через несколько лет после его смерти. Крючков вздохнул. Шебаршин по-прежнему терпеливо ждал.

² Одиннадцатый отдел ПГУ КГБ занимался социалистическими странами. Они традиционно считались союзниками, а местные резиденты КГБ были почти официальными «вторыми послами».

– Хорошо, – наконец сказал председатель КГБ, – делайте, как считаете нужным. И держите под контролем ситуацию с нашими «бывшими агентами». Отработанный материал нам не нужен. Вы меня понимаете?

Шебаршин понимал все. Он встал, взял свою папку с документами. Кивнул головой.

– У Леонова будет достаточно работы и без вас, – сказал вдруг Крючков, – но я поручу, чтобы он занимался и этим делом.

И снова на лице руководителя советской разведки Леонида Шебаршина не дрогнул ни один мускул. Леонов был начальником аналитического управления, занимавшегося сбором анализа и информации. Шебаршин понял, почему Крючкову понадобился Леонов.

– Он дал согласие? – спросил Шебаршин.

Даже здесь, в святая святых огромной империи, в кабинете руководителя самой мощной спецслужбы мира, он не решился назвать имя человека, давшего согласие на предварительную отработку введения в стране чрезвычайного положения. Крючков его понял.

– Да, – сухо кивнул он. Крючков почти абсолютно доверял Шебаршину, во всяком случае, настолько, насколько мог в силу своего сухого педантичного характера. – Нам приказано подготовить материалы по введению чрезвычайного положения. И не только в Литве. Он согласен.

– Я вас понял. Мы проверим всю нашу агентуру на местах, в странах Восточной Европы, – сказал уже стоя Шебаршин.

– И обратите внимание на перспективу, – напомнил Крючков, – это сейчас очень важно. Именно так – работать с прицелом на перспективу.

Когда Шебаршин вышел, Крючков долго сидел один и только затем потянулся к телефону, набрал номер министра обороны страны.

– Добрый день, – скупно произнес он.

– Здравствуйте, – маршал, как и все военные, немного боялся и недолюбливал главу такого ведомства, как КГБ. Но неизменно был в ровных товарищеских отношениях с всемогущим Крючковым, понимая, как невыгодно ссориться с этим человеком.

– Нам нужно встретиться. Это по нашему разговору вчера.

– По Прибалтике? – понял маршал.

– И по Прибалтике тоже, – Крючков сжал трубку сильнее. Он вдруг испугался, что их разговор могут подслушать. И хотя он прекрасно знал, что разговор по ЭТОМУ телефону подслушать нельзя, никто не посмеет слушать телефон председателя КГБ, тем не менее он постарался закончить беседу и положить трубку. И, только положив трубку, вдруг подумал, что впервые за столько лет испугался неизвестно чего. Сознание этого испуга еще долго не давало ему сосредоточиться на текущей работе.

БУДАПЕШТ.

13 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Йене Видак был многолетним агентом КГБ в Австрии. Он работал на КГБ еще с начала пятидесятых годов, когда это ведомство называлось совсем по-другому и его возглавляли совсем другие люди. Теперь, сидя в парке на скамейке, он невольно ежился от холодного западного ветра. Западные «ветры» разрушили не только весь логический уклад его жизни. Они пробили брешь в «железной стене» и сделали австро-венгерскую границу, прежде служившую водоразделом между двумя мирами, просто географической линией между двумя соседними странами. Видак не понимал и не принимал происходивших перемен. Он их боялся. И сегодня утром, приехав из Вены, он невольно вспомнил те дни, когда мог без всяких опасений встре-

чатся с представителями советской разведки в любом месте Будапешта, даже в официальных учреждениях. Увы, те времена прошли. Теперь Будапешт был не менее враждебным городом, чем Вена. Может, даже более, так как по непонятной логике волна антикоммунизма в бывших социалистических странах принимала характер бури, обрушивающейся на головы бывших партчиновников спецслужб.

Видак посмотрел на часы, и в этот момент перед ним возник связной. Он не знал этого связного и невольно нахмурился. Разведчики не любят, когда приходится общаться с незнакомыми людьми.

– Добрый день, мистер Видак, – сказал связной, – вам привет от вашего дяди из Братиславы.

– Он ничего не просил вас передать? – спросил Видак.

– Вот эту фотографию, – связной передал старую, давно знакомую Видаку фотографию. Тот, взглянув на нее, вернул связному. Теперь все было в порядке.

– У меня сложности, – сказал Видак, – кажется, в Вене моя работа подходит к концу.

– Нет, – убежденно ответил связной, – ничего не изменилось. Вы вернетесь в Вену и будете работать как прежде. Связь через нашего представителя в Австрии.

– Как прежде, – усмехнулся Видак, – уже нельзя работать как прежде. Мир изменился. После расстрела Чаушеску и падения берлинской стены все наконец поверили, что мир изменился.

– Это иллюзии, – спокойно парировал связной, – все остается по-старому.

– Только не для меня, – вздохнул Видак.

– Как это понимать?

– Я уже слишком стар.

– Вы решили прекратить с нами сотрудничать?

– Думаю, да.

– Вы серьезно подумали над этим?

– Конечно. Я считаю, что пора заканчивать. Все-таки сорок с лишним лет. И потом, я работал всегда и на свою страну, не забывайте об этом. Преподобней Венгрии уже нет. Не знаю, каким образом, но нынешние разведчики пока не смогли узнать о моем существовании. Подозреваю, что ваше ведомство приложило к этому руку. Но в любом случае я устал. И мне больше ничего не нужно. Да и прятаться в собственной стране – глупо и как-то обидно. Вы не считаете?

Связной молчал. Он пытался скрыть свое разочарование под маской равнодушия, но у него это плохо получалось. А может, во всем был виноват этот сильный западный ветер?

– Поэтому я и пришел на нашу встречу, – продолжал Видак, – на нашу последнюю встречу. Больше меня не увидите. Прощайте.

Ошеломленный связной даже не успел кивнуть на прощание, когда старик встал и зашагал от скамейки.

Видак уходил не оглядываясь. Кажется, он принял правильное решение. По дороге, когда пошел противный мелкий дождь, он нашел небольшое кафе и, зайдя внутрь, заказал себе любимый мартини. И, лишь несколько согревшись, вышел на улицу, продолжая идти к вокзалу. Он так и не увидел, как возникла эта большая машина позади него. Просто услышал вдруг скрежет тормозов и удивленно оглянулся. Автомобиль отбросил его на несколько метров вперед и затем, словно для пущей верности, еще и переехал безжизненное тело. Когда к погибшему подбежали люди, он уже не дышал. А неизвестную машину так и не нашли.

Вечером этого дня из Будапешта ушло сообщение в Центр: «Видак отказался от дальнейшего сотрудничества. Считаю возможным использовать резервный вариант. Приняты меры к недопущению утечки информации».

На следующий день связной встречался уже с новым агентом, прилетевшим из Австрии и согласным на продолжение сотрудничества с КГБ СССР даже в условиях изменившейся Венгрии.

ТОРОНТО.

14 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Он выехал на трассу и включил радио. Передавали последние новости. Диктор в обычной свободной, несколько экспансивной манере сообщил последние вести из Литвы. В столицу этой советской республики были введены специальные подразделения КГБ и Советской Армии. Противостояние у парламента достигло своего пика, появились первые убитые и раненые. Диктор пообещал подробнее информировать своих радиослушателей через два часа. И он раздраженно отключился.

Шел январь девяносто первого года. На трассе, ведущей к центру Торонто, было довольно свободно, в это дневное время здесь не бывало тех характерных пробок, которые возникали к концу рабочего дня. Он посмотрел в зеркало заднего обзора. Кажется, никого нет. Впрочем, появлению нежелательных преследователей он уже не удивлялся. За столько лет, проведенных в Америке и Канаде, он привык и к их присутствию, и к их отсутствию.

Он прилетел сюда еще в середине семидесятых, когда мир содрогался в тисках «холодной войны», а сама Америка переживала шок после Вьетнама и Уотергейта. Отставка Никсона особенно больно ударила по престижу американцев, сделав их посмешищем всего мира. Неудачная война во Вьетнаме, пятьдесят с лишним тысяч погибших и сотни тысяч раненых и искалеченных парней дорого обошлись Америке. Самым страшным был «вьетнамский синдром» – возникшее после фактического поражения сверхдержавы ощущение пустоты и растерянности у одних и гнева и разочарования у других за унижение, которому подверглась их страна. Фактически Уотергейт стал высшей точкой этого унижения и был закономерным итогом бурных шестидесятых и первой половины семидесятых. Выстрелы в Далласе и убийство президента Кеннеди, смерть Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, вьетнамское поражение, уотергейтский позор Ричарда Никсона и, наконец, покушение на Джеральда Форда заставили американцев всерьез задуматься – куда и зачем идет их страна?

Именно в это время в США появляется молодой турецкий коммерсант Кемаль Аслан. Его дядя Юсеф Аббас – один из наиболее крупных предпринимателей-эмигрантов, сумевший закрепиться на юге страны и стать главой крупной нефтяной компании. Удачливый бизнесмен не имел детей и передал все своему племяннику. А племянник не только сохранил миллионы своего дяди, но и сумел основательно закрепиться в Америке и прибавить к уже полученным по наследству деньгам собственные миллионы долларов. По осторожным оценкам экспертов ЦРУ, состояние Кемалья Аслана оценивалось в сто пятьдесят миллионов долларов, и это было без учета ряда предприятий, где Кемаль Аслан не владел контрольным пакетом акций, но сохранял за собой достаточно большие возможности и имел право решающего голоса.

Сейчас, направляясь к центру крупнейшего города Канады, он вспоминал, когда в последний раз обнаружил ведущееся за ним наблюдение. Кажется, это было во вторник. Он тогда выезжал за город. Кажется, контрразведчики везде мыслят одинаковыми категориями. Хорошо еще, что они не мешают ему в самом Торонто, иначе его жизнь превратилась бы в настоящий ад. Хотя наверняка они незаметно ведут его и в самом городе, но делают это достаточно квалифицированно и осторожно. Он проехал мимо расположенного в центре города Центрального парка Королевы и с Университетской авеню свернул на Куин-стрит, где нахо-

дился известный своим комфортом и роскошью знаменитый «Шератон-отель». Именно в этом отеле всегда останавливался Питер Льюис, его юрист, прилетавший из Нью-Йорка. Оставив автомобиль на стоянке, Кемаль поспешил в бар, где уже восседал добродушный и рыхлый Питер Льюис.

Юрист не любил крепкие напитки, предпочитая заказывать пиво. Увидев Кемаль, он даже не встал, только поднял свою короткую полную руку.

– Как дела, мистер Льюис? – спросил, подходя ближе, Кемаль.

– Могли быть и лучше, – вздохнул Питер, – но, слава богу, не так плохи.

– Последнее соглашение по калифорнийскому заказу должно было несколько улучшить наше положение, – заметил Кемаль.

– Ненамного, – проворчал Льюис, доставая свой «дипломат» с бумагами, – поднимемся ко мне в номер, я вам покажу все документы.

– Да, конечно, – согласился собеседник.

Они вышли из бара и, пройдя в холл, вызвали скоростной лифт на семнадцатый этаж. Кроме них, в лифт вошли еще двое, но в лифте никто не сказал ни слова. Ни вошедшие незнакомцы, ни сам Питер Льюис, ни его спутник. И только когда Кемаль Аслан и Питер Льюис вышли из лифта и зашагали по коридору, Питер шепнул идущему справа от него Кемалю:

– У меня в номере, кажется, они успели побывать.

– Конечно, успели. Передайте в Москву, что я проверил все заказы, идущие по линии Министерства обороны США. Развернуть в ближайшие десять лет программу защиты в космосе они не сумеют. Просто блефуют. Данные анализа их закупок позволяют говорить об этом с максимально вероятной точностью.

– Передам. Они разрабатывают программу вашего возвращения.

– Пора бы, – не удержался Кемаль, – что там происходит в Литве, вы что-нибудь понимаете?

– Честно говоря, знаю столько же, сколько и вы. Видимо, ничего хорошего.

Они дошли до номера Льюиса. Тот приложил палец к губам.

– И как видите, – громко сказал Льюис, – положение у нас достаточно неплохое.

– Безусловно, – подхватил Юджин.

Они вошли в номер. Хлопнула дверь. Из соседнего номера вышли двое незнакомцев и, подойдя к висевшему слева светильнику, сняли небольшой прибор, фиксирующий разговоры в коридоре. Войдя в номер, они коротко доложили сидевшему в кресле третьему незнакомцу:

– Нам удалось записать их разговор в коридоре. По-моему, они говорили о чем-то важном.

– Включайте, – разрешил их руководитель.

Один из вошедших включил аппарат, снятый в коридоре.

Раздалось громкое шипение.

– В чем дело? – недовольно спросил сидевший в кресле. – Опять ничего не получилось?

– У одного из них в кармане был скэллер³, – зло пробормотал мужчина, – кажется, повреждена вся лента.

В соседнем номере Кемаль Аслан, продолжая разговаривать со своим юристом, вдруг написал на листке бумаги: «Кажется, в последнее время наблюдение за мной несколько усилилось. Подключают профессионалов». Льюис, прочитав, достал из кармана сигару, спички, спокойно закурил и поджег записку. После чего кивнул, наблюдая, как пылает бумага. И только после этого сказал:

– Вы всегда казались мне чрезвычайно внимательным человеком, мистер Кемаль Аслан.

³ Скэллер – устройство для искажения работы прослушивающей аппаратуры. Не позволяет записывать беседу в радиусе пятидесяти метров.

– Черт бы вас побрал, – разозлился третий, – опять ничего не вышло.

– Нужно просто арестовать обоих.

– Это вы расскажите их адвокатам, – третий, поднявшись с кресла, направился к дверям и, уже выходя, обернувшись, добавил: – Постарайтесь хотя бы записать их разговор в номере. Хотя подозреваю, что мы не услышим ничего интересного.

И вышел, мягко затворив за собой дверь. В соседнем номере шла неторопливая беседа двух деловых людей, внешне ничем не отличавшаяся от любой беседы такого рода. Агенты уныло записывали разговор, уже не надеясь на удачу.

БЕРЛИН. 16 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

– Мы не согласны, – зло говорил стоявший у моста высокий мужчина в штатском, – это, в конце концов, просто унижительно. Вы предлагаете глупые, нереальные условия.

– Почему, – возражал его собеседник, говоривший по-русски с очень сильным характерным немецким акцентом, – ведь вы все равно должны будете оставить это оборудование и помещения. А мы предлагаем вам хорошую сумму.

– Это вам так кажется. По оценкам ваших экспертов, только оборудование может стоить десятки миллионов марок. Мы не согласны на такую сумму.

– Полковник Волков, – вздохнул немец, – я вас понимаю. У вас есть полномочия от ваших руководителей. Но и у меня есть свои. Поймите, я не могу, не имею права предлагать вам больше, чем мне разрешили.

– В таком случае передайте, что мы настаиваем на той сумме, о которой мы первоначально договаривались. – Волков посмотрел на проезжавший мимо автомобиль. Проехав метров сто пятьдесят, автомобиль остановился, и из него вылезла целая компания молодых, явно загулявших людей. Несколько парней и девушек приехали сюда, на место бывшей берлинской стены, чтобы снова увидеть это историческое место и набрать камней, уже ставших сувенирами во многих странах мира. Двое молодых людей весело толкали своих спутниц, и те кружили у моста, беспрерывно щелкая фотоаппаратами.

Немец поежился, отворачиваясь от приехавших. Его явно коробило такое отношение молодых людей к недавней трагедии разделенной страны.

– Я передам ваши пожелания, полковник, – сказал он, посмотрев на часы, – но мне кажется, в наших общих интересах договориться побыстрее, пока этого не сделали другие.

– Что вы имеете в виду? – быстро спросил Волков.

– Ничего. Просто мы имеем сведения, что не все в вашей стране согласны с переменами, происходящими в нашей. И мы готовы к любому развитию событий, даже самому худшему.

– Не нужно меня пугать.

– Боюсь, вы не поняли, – вздохнул немец, – это я не вас, это я себя пугаю. В Литве ваше руководство применило спецчасти КГБ и войска. Они сделали то, о чем их просил в свое время Хонеккер в Восточной Германии. Тогда они не захотели выводить из ангаров советские танки. Теперь, видимо, кто-то в Москве решил, что пришло время. И заметьте, это уже не в первый раз. Нам кажется, что в вашем руководстве скоро будут перемены. Отставка Шеварднадзе и события в Литве – очень нехороший симптом. Может оказаться, что нам просто не о чем будет договариваться.

– Это нас не касается, – дернулось лицо у полковника, – меня не уполномочили вести подобные беседы. Так что мне передать? Вы согласны с нашими условиями?

– Да, – вздохнул немец, – придется согласиться. Я передам ваши пожелания. Учтите, что мы в одинаковой степени заинтересованы сохранить все в строжайшей тайне.

– Поэтому наши переговоры попали в печать? – зло спросил полковник. – Поэтому о них знает уже пол-Европы?

– Что вы говорите? – явно испугался немец. – В какую печать? Мы ничего не сообщали.

– Ваш «Шпигель» опубликовал статью, что советские генералы торгуют оружием и разбазаривают имущество Западной группы войск. Вы не читали статью в ноябрьском номере журнала?

– Это был просто пробный камень, – успокоился немец, – кажется, у вас так говорят. Они решили запустить такую утку на основании многочисленных фактов кражи имущества армии вашими солдатами и офицерами. Против руководства Западной группы войск у них пока нет ничего конкретного. Они решили таким образом устроить скандал, в результате которого могут всплыть дополнительные подробности. Скандалная статья, даже без упоминания имеющихся фактов, служит как бы резонансом, прелюдией к большому скандалу, и тогда масса свидетелей, решивших, что редакция располагает подобным материалом и кто-то уже опередил их в даче свидетельских показаний, бросается в объятия журналистов, пытаясь продать и свою информацию подороже. Это типичный трюк наших журналистов. Вы можете ни о чем не беспокоиться.

– У нас говорят: дыма без огня не бывает, – угрюмо огрызнулся полковник. – Возможно, проболтались ваши люди.

– Нет, нет, – поспешил успокоить немец, – мы специально все проверяли. У них нет против нас никаких доказательств. Это только начало игры. Не обращайтесь внимания на подобные статьи.

– Стараюсь, – пробормотал полковник, – хотя в последнее время вы нас подводите. В свете начавшихся изменений в мире я бы советовал вам быть поосторожнее.

– Вы про Кувейт? – понял немец.

– И про Кувейт тоже. По моим сведениям, американцы начали сегодня широкомасштабную войну против Ирака. Пока моя страна соблюдает нейтралитет и даже внешне на стороне западной коалиции. Но ведь в Москве все может поменяться.

– Вы думаете, ваше руководство может поддержать Саддама Хусейна? Но ведь это катастрофа! Начнется третья мировая война. Американцы уже не уйдут с Ближнего Востока, пока не освободят Кувейт. Это для них уже вопрос принципа.

– Нет, – ответил полковник, – я не думаю, что дело может дойти до мировой войны. Просто руководство в Москве может несколько подправить свою позицию, и тогда американцы не будут столь нагло и беспардонно вести себя в мире. Вы меня понимаете? При этой ситуации наши войска еще очень долго будут находиться в Германии. И тогда нам придется заново пересматривать весь комплект наших договоренностей. Или еще конкретнее – просто отменить их.

– Вы не верите в быструю победу американцев?

– Нет, в это как раз я верю. При всем своем бахвальстве иракскому лидеру не устоять против объединенной коалиции союзников. Просто не тот уровень противостояния. Когда за спиной Саддама нет сильного союзника, он не продержится. Это очевидно. Но в любом случае нам надо быстрее договориться, – подвел итоги полковник. – О наших переговорах уже знают в Москве. И знают совсем не те люди, которых мы считаем своими союзниками.

– Я вас понимаю, – немец вздохнул. Ему всегда трудно давался разговор с этим мрачным полковником.

– Все еще может измениться, – мрачным голосом заметил Волков и, показывая на веселящихся молодых людей, неприятным голосом добавил: – Может, они и правы, что собирают камни с разбитой стены. Может, вместо этой стены будет другая – еще выше и крепче прежней.

Немец испуганно открыл рот, но ничего не сказал, не решаясь спорить. А полковник, довольный эффектом, повернулся, чтобы уйти.

– До свидания, – Волков, засунув руки глубоко в карманы пальто, зашагал в сторону своего автомобиля.

Немец смотрел ему вслед и, лишь когда полковник скрылся за поворотом, повернулся и медленно пошел в другую сторону. Он вдруг с ужасом подумал, что его недавний собеседник может оказаться провидцем. И почти с суеверным страхом посмотрел на то место, где на его памяти всегда стояла стена. Эта проклятая для любого немца стена, отделявшая один мир от другого. И редко находились «сталкеры», согласные на опасные путешествия из одного мира в другой. Когда-то немец прочел книгу русских фантастов Стругацких и решил, что Зоной они называли Западный Берлин, в который так стремились попасть тысячи немцев из восточной части города.

Молодые люди по-прежнему дурачились у моста, не обращая внимания на проходившего мимо незнакомца. Правда, одна из девушек, снимая ночной город, почему-то крупным планом сфотографировала проходившего мимо мужчину. Но это была очевидная случайность, даже расстроившая девушку.

БОЛГАРИЯ. СОФИЯ.

18 – 19 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

В Софии их встречали два сотрудника американского посольства. Уильям с юмором подумал, что в другие времена эскорт для встречи был бы куда внушительнее и мог состоять из отрядов советских и болгарских контрразведчиков. Крах всей системы стран Варшавского Договора начался с Польши. Как только советское руководство разрешило Ярузельскому провести в Польше действительно демократические выборы, вопрос был решен окончательно и бесповоротно. Может, даже раньше. Он был решен еще в начале восьмидесят девятого, когда Горбачев пошел на первые относительно демократические выборы в СССР и разрешил трансляцию со съезда Советов на весь мир. И мир дрогнул, понимая, что в Советском Союзе происходят действительно небывалые перемены.

Летом восьмидесят девятого мир увидел и второй путь развития социализма. На центральной площади Пекина были безжалостно расстреляны китайские студенты, осмелившиеся заявить о приоритете демократических прав и свобод в несвободном обществе. Горбачев сделал выводы из этого расстрела. Состоявшиеся в Польше демократические выборы принесли, как и ожидалось, победу «Солидарности», и в социалистической Европе возникло первое несоциалистическое правительство Мазовецкого.

Потом была «бархатная» революция в Чехословакии, где интеллектуал Гавел возглавил движение двух соседних народов – чехов и словаков – к долгожданному обретению свободы. Наконец, осенью этого года пала берлинская стена – символ разделения Европы, и буквально сразу, почти через месяц, был расстрелян еще один отживший «динозавр» старой когорты руководителей – Николае Чаушеску. Дольше всех продержался Тодор Живков, но и тому пришлось пройти через горькое разочарование от предательства своих сторонников, измены друзей, публичное унижение, домашний арест и суд, выяснивший внезапно, что за всю свою долгую карьеру и почти сорокалетнее правление страной Живков был виноват в «неправильной раздаче служебных квартир и выдаче материальных пособий чиновникам из партаппарата». Поистине приходится удивляться человеческой породе. Не найдя ничего другого, «демократический суд» осудил человека на основании вздорных обвинений, человека, объективно так много сделавшего для своей страны и жившего по другим законам, в другой системе координат.

И много ли вообще абсолютных диктаторов в истории, которые после четырех десятилетий абсолютного правления могут быть обвинены лишь в подобных нарушениях? «Воистину, история – бесстыдная девка», – думал Тернер, сидя в машине, направляющейся к зданию американского посольства. Он не любил и не принимал непонятной для любого нормального американца социалистической системы с их непонятными моральными ценностями. Но как объективный человек видел, что поднявшаяся волна антикоммунизма в Восточной Европе часто не имела ничего общего с подлинно демократическими устремлениями немногих настоящих демократов. Просто на смену одним коммунистам, лишенным должной гибкости и понимания момента, приходили другие – более беспринципные и ловкие. Или коммунистические догмы менялись на антикоммунистические, и они были одинаково беспощадны к инакомыслящим и колеблющимся.

В посольстве их уже ждали. Из-за сложного положения в городе гостей разместили прямо на квартире одного из дипломатов, находившейся недалеко от посольства. По просьбе Тернера к ним прикрепили автомобиль без водителя. Его спутник Томас Райт неоднократно бывал в Болгарии и мог вполне обходиться без сопровождения американских дипломатов. С огненно-рыжей шевелюрой Томас был похож скорее на немца или чеха, чем на типичного американца. На лице у него были даже веснушки, и в сочетании с курносым носом и крупными глазами это придавало ему какое-то удивленное и одновременно почти детское выражение. Но оно было обманчивым. Томас Райт был не просто прекрасным офицером ЦРУ, владевшим несколькими восточнославянскими языками, он уже успел отличиться в Чехии и Болгарии в прежние годы и имел неплохой опыт для работы в паре с таким профессионалом, как Уильям Тернер. Они даже не взяли с собой местного резидента ЦРУ, который в это время отдыхал в Италии.

Первый визит уже на следующий день американцы нанесли в институт, где учился Кемаль Аслан.

Райт рассказывал всем, что они американские операторы, приехавшие снимать фильм о добившемся поразительных успехов в их стране бывшем болгарском гражданине Кемале Аслане. Им охотно шли навстречу, показывая документы и ведомости успешной учебы Кемала в институте. И хотя с тех пор прошло более двадцати лет, многие документы сохранились и были в хорошем состоянии. Не было лишь одного – фотографий Кемала Аслана. Не удалось обнаружить и его личного дела в архиве института. К удивлению декана, хорошо помнившего своего студента, фотографии Кемала Аслана не было даже среди архивных документов выпускников института. Правда, после окончания своего курса студенты все-таки сфотографировались вместе, но там была настолько маленькая и плохо узнаваемая фотография Кемала Аслана, что его невозможно было даже отличить от других сокурсников. Добросовестный Райт переснял эту фотографию, решив, что в лабораторных условиях можно будет увеличить ее до приемлемых размеров.

Целый день в институте не принес более ничего, кроме этой фотографии и пространных рассуждений декана факультета, разглагольствовавшего о пользе горной металлургии в деле укрепления новых болгарско-американских отношений. Уставшие, они возвращались в свое временное жилище.

– Если так пойдет и дальше, мы узнаем много нового, – невесело пошутил Томас, – но, кажется, это нам мало поможет.

– Ты записал адрес, где он жил?

– Это здесь недалеко.

– Давай поедем туда, – предложил Уильям.

– Прямо сейчас?

– Может, хоть там что-то найдем. – Райт свернул в какой-то переулок, съезжая с проспекта. Через полчаса они нашли дом, в котором раньше жил Кемаль Аслан со своей матерью. В результате еще получасовых поисков им удалось найти соседку, знавшую семью Кемала. Но

ничего конкретного узнать не удалось. Мать Кемалья Аслана давно умерла, а сам он после аварии уехал в Турцию к своему дяде. В их квартире давно жили чужие люди. Соседка помнила еще, как они переживали за несчастного парня, попавшего в тяжелую катастрофу.

Уильям с трудом сдерживал негодование, слушая женщину. Он понимал, что ничего конкретного здесь узнать не удастся. Но, терпеливо слушая перевод пунктуального Райта, пытался найти рациональное зерно в словах старой женщины. И вдруг...

– Где он лежал? – спросил Тернер, поймав новую мысль.

Райт спросил и получил ответ, добросовестно переводя название больницы.

– Все, – сразу же поднялся Тернер, – поблагодари эту женщину. Скажи, продолжение ее истории мы выслушаем в следующий раз.

Когда они снова сидели в машине, Райт осторожно спросил:

– Вы что-то решили?

– Завтра едем в эту больницу, – кивнул Тернер, – мне интересно, как он так быстро выздоровел. После комы. И сразу стал финансовым гением. И немного шпионом.

– Мне говорили, что после комы бывают изменения, – заметил Райт.

– В худшую сторону, – возразил Тернер.

– Может, он стал гением после удара, – пошутил Райт.

– Вот мы это и проверим. Судя по рассказу соседки, он лежал там несколько месяцев. Значит, должны остаться врачи, санитары, люди, которые его помнят. История его болезни. Завтра едем в эту больницу, – решительно закончил Тернер.

На следующее утро выпал снег, и им пришлось долго добираться до больницы, дороги были завалены снегом. В больнице пришлось ждать приема у главного врача. Их принял пожилой человек лет шестидесяти пяти. Это был главный врач больницы Бонев.

– По какому делу вы приехали, господа? – спросил главный врач. – Мне передали, что вы прилетели из Америки и хотите узнать историю болезни одного бывшего нашего пациента.

– Да, – подтвердил Уильям, когда Томас перевел ему на английский слова врача, – мы хотели бы более подробно узнать историю болезни лежавшего у вас пациента. Он был в довольно тяжелом состоянии, но сумел выжить. И даже восстановить работоспособность.

– Кого именно? – спросил Бонев.

– У вас лежал больной Кемаль Аслан. В настоящее время он американский гражданин, – сказал Тернер, наблюдая за реакцией своего собеседника.

Тот вздрогнул. Или Тернеру показалось, что Бонев вздрогнул?

– Почему именно этот пациент вас интересует?

– Он лежал в вашей больнице семнадцать лет назад, – сказал Тернер, – и тогда ему удалось восстановиться после тяжелой аварии. Мы снимаем о нем фильм и хотели бы знать более подробно об этом случае.

Врач внимательно слушал.

– Согласитесь, история интересна сама по себе, – продолжал Тернер, внимательно наблюдая за сидевшим напротив пожилым врачом, – этнический турок, родившийся в Америке и переехавший затем в Болгарию, попадает в тяжелую автомобильную катастрофу, впадает в кому, врачи чудом спасают ему жизнь. А затем он приходит в себя, переезжает к родственникам сначала в Турцию, а затем в Америку и становится крупным бизнесменом. Прямо американская мечта. Материал так и просится на пленку.

– Что вам конкретно нужно? – спросил врач.

– История его болезни, воспоминания его лечащих врачей, может, какие-нибудь подробности из истории его жизни, – невозмутимо заметил Тернер, слушая, как Томас Райт переводит его слова.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Бонев, – историю болезни вы можете прочесть в кабинете моего заместителя. Я попрошу, чтобы вам принесли ее. Поговорить с врачами вряд

ли возможно. Некоторые заняты на операциях, а один из наблюдавших его врачей умер восемь лет назад.

– Кто делал ему операцию? – спросил Райт.

– Я, – спокойно ответил Бонев. Глаза за толстыми стеклами очков смотрели строго и спокойно. Или его уже ничто не могло взволновать?

– Вы можете вспомнить какие-нибудь подробности? – оживился Томас, задавая вопрос уже от себя.

– Все есть в его деле, – сухо заметил Бонев. И Томас исправно перевел его слова.

– Тогда мы не будем вам мешать, – почему-то сразу сказал Уильям, и сидевший рядом с ним Райт даже удивленно оглянулся на своего шефа, проверяя, правильно ли он понял эти слова. Бонев кивнул, давая понять, что разговор закончен. Он не подал на прощание руки, только встал из-за стола, когда иностранцы выходили из кабинета.

Томас тихо спросил Уильяма:

– Почему вы так быстро закончили разговор? Старик мог рассказать нам много интересного. Мне кажется, можно было расспросить его подробнее.

– Нет, – покачал головой Уильям, – не подойдет. Главный врач из той когорты старых коммунистов, которые не любят изменять своим идеалам. Для него мы представители того самого мира, который они так не хотели принимать и который в конце концов победил их систему. Я могу заранее сказать, что мы ничего не найдем в медицинских документах нашего подопечного. Ничего необычного. А врачи нам ничего не расскажут. Да и сам Бонев не отличался особой словоохотливостью.

– Тогда зачем мы сюда приехали? – не сдавался Райт.

– Мне важно было знать, как именно была проработана схема отправки Кемаля Аслана в нашу страну. Конечно, он работает на русских, но мы пока не знаем ответа на главный вопрос, который нам поставили. Он настоящий турок, и КГБ, используя его несчастную жизнь, лишь вынудило работать на них, или это советский офицер-нелегал, которого мы можем арестовать только на основании незаконного въезда в нашу страну? Хотя боюсь, что в больнице мы ничего не узнаем. Но зато увидим документы. Это очень важно. – Они прошли по коридору, и приветливая секретарь Бонева проводила их в кабинет, расположенный напротив кабинета главного врача. Почти сразу им принесли большую папку, заполненную документами и фотографиями.

Райт бросился листать фотографии. Потом поднял голову и посмотрел на спокойно сидевшего Уильяма Тернера.

– Я понял, – сказал он очень тихо, – я все понял. Если дело в такой сохранности находилось целых семнадцать лет, значит, кто-то был в этом заинтересован.

Тернер кивнул головой.

– Здесь вся история болезни, – показал на документы Томас, – есть и фотографии больного. Хотите, я сделаю снимки?

– Как хочешь, – ответил Тернер, – думаю, они совпадут с фотографиями нашего клиента.

– Он лежал в коме несколько месяцев, – продолжал читать Райт.

– Выпиши сроки, обрати внимание на фамилии всех врачей. Бонева мы уже знаем. Кто другие? Может, среди них были и молодые люди. И проследи, как быстро проходило его восстановление.

Райт исправно записывал все данные.

Сидевший в своем кабинете Бонев долго молчал, глядя в зеркальную поверхность стола, обхватив голову руками. Затем, словно приняв какое-то важное решение, поднял трубку телефонного аппарата и набрал чей-то номер. Затем сказал:

– Это говорит Бонев. Они сегодня приходили ко мне.

– С кем они встречались? – спросил его собеседник.

– Кроме меня, ни с кем. Сейчас они в больнице, изучают дело нашего бывшего больного.

– Спасибо, товарищ Бонев. Держите и дальше нас в курсе. Думаю, они выйдут на лечащего врача. Действуйте как договорились. До свидания.

– До свидания, – Бонев положил трубку и вытер потное лицо. Впервые в жизни он чего-то боялся, словно делал нечто недостойное и подлое. Но не позвонить он просто не мог. И это он отлично сознавал.

БЕРЛИН. 20 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Он ехал в своем «БМВ», часто останавливаясь на перекрестках даже тогда, когда это не было вызвано необходимостью. Наблюдая за спешившими позади его автомобиля машинами в зеркало заднего обзора, он пришел к выводу, что может наконец ехать совершенно спокойно. И все-таки еще дважды до назначенного места он проверял, убеждаясь, что за ним никто не следит. И лишь подъехав к нужному ему дому, быстро запер автомобиль и поспешил к подъезду, набирая нужный код. Дверь автоматически открылась, и он вошел в подъезд. Оказавшись в лифте, он нажал вызов нужного ему этажа. Лифт бесшумно заскользил наверх и остановился на четвертом этаже. Незнакомец вышел из лифта и, подойдя к дверям квартиры, трижды позвонил. Дверь открылась почти сразу.

– Привезли? – спросили его вместо приветствия, и незнакомец вошел в квартиру, доставая из кармана конверт.

В просторной гостиной сидело трое. Двое из вальяжно расположившихся на диване господ хотя и одеты в дорогие модные костюмы, однако те сидели на них непривычно, так что чувствовалось: в военной форме генералов они смотрелись бы гораздо лучше. Они и были генералами. На третьем штатский костюм сидел гораздо лучше. Он и открыл дверь, протягивая левую руку за конвертом. Получив конверт, поспешно вскрыл его, достал листок бумаги. Только прочитав написанное, он наконец облегченно вздохнул и громко сказал:

– Все в порядке. Это то, что нам нужно.

– Полковник Волков, – обратился к прибывшему один из сидевших на диване – полный высокий мужчина с опухшим, одутловатым лицом, – надеюсь, вы нигде не останавливались?

– Нет, товарищ генерал, – заявил полковник, проходя в комнату. Сняв пальто и шляпу, он бросил их в прихожей, а затем, не спрашивая разрешения у сидевших на диване генералов и не обращая внимания на третьего генерала, стоявшего у дверей гостиной, спокойно уселся в кресло. – Я же говорил, что они согласятся на наши условия.

– Это только начало, – заметил стоявший в дверях генерал.

Он был левшой и поэтому, когда брал конверт, протянул левую руку. Генерал Сизов был представителем Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР в Германии и привык ходить в штатском костюме. Оба других генерала входили в командование Западной группы войск и больше привыкли к своим военным мундирам. Но в интересах безопасности операции все трое приехали на эту квартиру, переодевшись в штатское. Полковник Волков был сотрудником особого отдела, давно выполнявшим наиболее щекотливые поручения командующих Западной группы войск СССР в Германии.

– Вы посмотрели? – спросил первый генерал у Сизова. – Там правильно указаны все данные?

– Не беспокойтесь, – чуть улыбнулся Сизов, – я немного понимаю в банковских документах. Деньги переведены точно по счету. Теперь наша задача раздробить их и перевести на счета каждого. Это уже не так сложно.

– Надеюсь, – проворчал другой генерал. Он был представителем авиации и имел менее расплывшееся лицо, чем его армейский коллега. Может, потому, что иногда, вспоминая молодые годы, садился в кабину самолета.

– Это ваша задача, – почти приказным тоном заметил армейский генерал, – как и куда переводить деньги. Мы делаем свое дело. Остальное нас не касается.

– Конечно, – сразу согласился Сизов, – все будет так, как мы договаривались.

– Хорошо, – армейский генерал тяжело поднялся с дивана. За ним встал и другой. Полковник нехотя поднялся с кресла. Наглеть абсолютно не входило в его планы. Видимо, это понял и армейский генерал.

– Ну-ну, – сказал он, снисходительно улыбнувшись. – Смотри не перестарайся, – и вышел из гостиной, забирая свое пальто. За ним поспешил и его коллега из авиации. Он ничего не сказал, просто кивнул. Когда за ушедшими закрылась дверь, Сизов нахмурился.

– С ума сошел совсем. Что себе позволяешь? – спросил он у Волкова.

– А пусть знают, гниды, что они такие же воры, как я, – отрезал Волков, снова усаживаясь в кресло. – Строят из себя героев, а сами проморгали все, в рот Горбачеву смотрели, когда он Германию сдавал, и все время поддакивали. А теперь норвят поскорее все распродать. Не люблю я их.

– Ты дурака не валяй, – заметил Сизов, – свою нелюбовь при себе держи. Они старше тебя по званию. Ты в их присутствии дерьмо подбирать должен, а ты строишь из себя Штирлица. Я тебе оторву яйца, чтобы ты понял, с кем дело имеешь.

– Ладно, – нехотя сказал Волков, – больше не буду.

– И вообще, больше не приезжай сюда, – жестко приказал Сизов, – твоя рожа здесь всем знакома. Наверное, соседи уже с тобой здороваются.

– Я по ночам приезжаю, – заметил Волков, – не нужно делать из меня дурака. Я все-таки столько лет работаю.

– А ведешь себя как дурак. Узнал наконец, кто из твоих людей проболтался?

– Нет, – отвернулся Волков, – ищем пока. Ничего не нашли.

– И документов нет?

– Нет. При нем их не было. Мы даже его автомобиль осмотрели.

– Дурак ты, Волков, – снова сказал генерал, проходя к столику, где стояло несколько бутылок. Выбрав водку, он налил себе небольшую рюмку и залпом выпил. Потом сел на диван.

– Не понимаю я вас, особистов. Как вы работаете? Столько лет в Германии, а ничего сами не можете. И этот прокол с резидентом КГБ. Ну откуда Валентинов мог узнать про твои переговоры? И какой ты, к черту, особист, если приехавшая «шляпа» из Москвы узнает все через несколько дней. Значит, это его агентура работает лучше, а не твоя.

– Ничего себе «шляпа», – заметил для порядка Волков, – он был полковником КГБ. У них есть своя агентура в Германии, особенно в Восточной зоне, вы ведь лучше меня это знаете. Наверное, вышел на нас через своих агентов.

– Которых ты пока не знаешь, – заметил Сизов, – и мало того, что не знаешь, но и не хочешь узнать. Что за дурацкая идея была с убийством Валентинова в Праге? Почему вы не можете работать нормально? Только арестовать или убить – вот ваши методы. Да и то, пользуясь услугами дешевых солдатских стукачей, которые не хотят вкалывать на дембелей и предпочитают более легкую жизнь. О чем еще с тобой можно после этого говорить? Устроил стрельбу в центре города, убрал резидента КГБ. Думаешь, там все такие же дураки, как у вас в военной контрразведке? Я не сомневаюсь, что скоро прилетят их люди расследовать это убийство. Уже наверняка сидят в Праге. Там хоть не наследили?

– Мои люди умеют работать, – обиделся Волков, – мы тоже не в игрушки играем.

– Это ты Крючкову расскажешь, когда он тебя допрашивать будет. Зачем нужно было стрелять в Валентинова? Можно было проследить его связи, выяснить, с кем конкретно из агентов он встречался, узнать о наличии его агентуры. Так нет. Сразу стреляете в спину.

– У нас есть запись их беседы со связным, – хмуро заметил Волков, – ему приказали срочно вылетать в Софию, а оттуда в Москву. Мы прослушали разговор специально нацелен-

ным микрофоном. Эта последняя разработка позволяет слушать разговор на расстоянии километра от места встречи говорящих.

– Тоже мне, разработка, – улыбнулся генерал ГРУ, – я тебе потом наши приборы покажу. Они по колебанию оконных рам весь разговор записывают. Новейшие установки отдают сначала в разведку, к нам, а уже потом передают вам для прослушивания пьяных разговоров наших офицеров и генералов, ругающих Советскую власть и вас больше всего на свете.

Волков ничего не ответил.

– Где запись разговора? – спросил Сизов.

Полковник достал из внутреннего кармана пиджака небольшой магнитофон и включил его.

«– Как дела? – послышался голос связного.

– Это я должен спрашивать, – пробормотал Валентинов, – может, вы наконец объясните столь срочный вызов? Я бросил все свои дела, чтобы примчаться сюда.

– Правильно, – сказал связной, – получен новый приказ из Москвы. Срочно сворачивайте всю работу и выезжайте в Болгарию, оттуда можете вернуться в Москву, вам будут подготовлены соответствующие документы».

Сизов нахмурился. Волков усмехнулся и, поднявшись с кресла, прошел к столику, налил себе немного виски. За время, проведенное в Германии, он приучился к этому крепкому напитку.

«– В Болгарию, – усмехнулся Валентинов, – у них такой же бардак, как и везде. Раньше из Западной Европы ездили через ГДР или Чехословакию. Новые времена?

– Мне не поручали обсуждать с вами такие детали, – быстро ответил связной.

– Конечно, не поручали. Значит, конец. Передайте, я все понял. Завтра утром вылетаю в Софию. Канал связи прежний?

– Да».

«Кажется, эти типы были правы», – огорченно подумал Сизов. У них действительно не было другого выхода. Он уже ждал, чтобы Волков выключил магнитофон, когда снова раздался голос резидента:

«– Вас что-то беспокоит?

– Нет-нет, ничего. Просто мне хотелось бы поскорее закончить нашу встречу. Что у вас по нашей группе войск в Германии? Вы подготовили все документы?

– Да, конечно. Я возьму их с собой. Очень неприглядная картина».

– Стоп, – быстро приказал Сизов, – перемотай еще раз, я послушаю. Какая картина?

– Неприглядная, – явно наслаждаясь произведенным эффектом, заметил Волков, – а вы говорите, что мы не умеем работать.

Сизов махнул рукой, уже не обращая внимания на слова полковника. И снова услышал: «очень неприглядная картина». И ответ связного, огорчивший его более всего остального.

«– Я передам в Москву. В Софии вас будут ждать.

– Прощайте.

– Прощайте. Желаю успехов».

Лента закончилась.

– Все? – спросил Сизов.

– Все, – подтвердил Волков.

– Связного вы отпустили?

– А вы хотели, чтобы мы и его убрали? – спросил полковник.

– Не говори глупостей, – нахмурился генерал, – я всегда был против ваших методов работы. Но где эти документы? Куда он их дел?

– Мы их не нашли.

– Он сказал: «Завтра выезжаю в Софию и возьму документы с собой». Значит, документы были с ним в Праге. Нужно было более тщательно осмотреть его автомобиль.

– Мы смотрели. Там их не было.

– Может, твои люди их просто не заметили?

– После нас смотрели специалисты чешской криминальной полиции. Они тоже ничего не нашли, – стараясь не реагировать на нервное состояние генерала, терпеливо ответил Волков.

– Нужно было выяснить, где он жил, и посмотреть в его номере, – пробормотал Сизов.

– Тоже сделали, – сказал Волков, – обыскали номер в отеле. Все просмотрели. Документов там никаких не было. С собой он их, конечно, не брал. Во всяком случае, при себе их у него не было, иначе бы мы нашли эти бумаги.

– Тогда куда он их дел?

– Не знаю.

– А я знаю, Волков. Я знаю, что будет, если эти документы попадут в Москву, в КГБ или ЦК КПСС. Меня не тронут, я посредник и нигде не фигурирую. А вот тебе, полковник, и твоим людям будет плохо, очень плохо. Боюсь, что даже генералам будет не так плохо, как вам. Они просто расхитители социалистической собственности. А вы убийцы, полковник. Убийцы и изменники. Вам даже парашу не разрешат убирать за ними. Вас просто расстреляют. Это ты, надеюсь, понимаешь?

– Понимаю, – Волков отвернулся и тихо добавил: – Я все понимаю. Но документов у него с собой не было. Двое моих людей сидят в Праге и живут в том самом номере отеля, где жил Валентинов. Они даже паркет разбирали. Весь номер простучали. По сантиметру. Я им даже аппаратуру послал в Прагу. И ничего они не нашли. Никаких бумаг в номере нет.

– У него наверняка была своя агентура в Праге, – уставшим голосом заметил генерал, – постарайтесь выйти на его людей. Может, удастся найти хоть какие-нибудь концы. В любом случае эти документы должны попасть к вам раньше, чем они попадут в Москву. Только тогда ты можешь спокойно хамить своим генералам. Только в этом случае, Волков. И пить твое любимое виски. Ты ведь уже нашу водку не пьешь, тебе нужно шотландское дымчатое. Совсем загордился, полковник, решил, что бардак в стране – и ты на коне. Забыл, как все в жизни меняется. И если ты документы не найдешь, то... сам понимаешь... При всех других вариантах тебя ждет пуля в затылок в лагерях Нижнего Тагила⁴. Устраивает тебя такая перспектива?

Вместо ответа Волков коротко выругался и, снова поднявшись, налил себе уже гораздо большую порцию виски, выпил одним залпом и только потом сказал:

– Найду я эти чертовы документы. Из-под земли достану, но найду.

– Правильно. И очень быстро, иначе КГБ сумеет просчитать, кто был заинтересован в убийстве резидента Валентинова. Теперь давай о главном – через три дня получишь новый конверт. Обговори другой банк, в который они должны перевести деньги. На этот раз это будет люксембургский банк. Я дам тебе точные реквизиты. И объясни, что мы будем каждый раз менять банк, куда они будут переводить деньги. Ты меня понимаешь?

– Они говорят, что им удобнее в немецкий банк.

– Это им так удобнее, – заметил Сизов, – а нам нет. Поэтому пусть выполняют все условия по нашим договоренностям. Понял?

– Да.

– Теперь можешь идти. Машина у тебя внизу?

– Конечно.

– Мог бы приехать и на такси.

⁴ В лагерях Нижнего Тагила сидели, отбывая наказание, осужденные по суду бывшие работники правоохранительных органов – МВД, КГБ, прокуратуры, разведки и контрразведки. Иногда подобные «привилегии» допускались и по отношению к крупным партийным чиновникам, осужденным на длительные сроки заключения. В обычных лагерях эти категории лиц не содержались. (Прим. авт.)

– В такую погоду? – изумился Волков. – На улице собачий холод. Где я найду ночью такси? Да и потом – таксисты с Западной стороны не любят ездить в Восточную зону. Они еще плохо ориентируются и боятся сюда ездить.

– Хотя бы поменяй машину, – посоветовал генерал, – и будь осторожен. Какой номер на твоём «БМВ», прежний?

– Ну конечно.

– Увидимся через два дня. До свидания.

Волков кивнул и, поднявшись, вышел, захватив свое пальто и шляпу. Закрыв за собой дверь. Вызвал лифт. Уже в подъезде надел пальто, шляпу и, подняв воротник, поспешил к машине.

Сизов следил за мелькнувшей фигурой из окна квартиры. Заметив, как машина отъехала, он подошел к телефону. Немного подумал и, подняв трубку, набрал номер.

– Это я, – сказал он, – действуйте как договорились. Номер его автомобиля прежний.

– Вас понял, – услышал он ответ и сразу положил трубку.

«Так надежнее», – подумал генерал. Пусть хоть немного понаблюдают. Может, это он сам проболтался. Или, еще хуже, работает на нескольких хозяев. Нужно будет звонить в Москву, доложить, что первые поступления уже прошли. А эти армейские генералы думают, что он старается ради них. При этой мысли Сизов улыбнулся. «Действительно смешно», – подумал он.

МОСКВА.

20 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

В этот день было обычное совещание у председателя КГБ. Докладывали руководители главных управлений и отделов. Больше обсуждали положение на Ближнем Востоке и в Кувейте. После того как все вышли, Крючков попросил задержаться Шебаршина.

– Какие-нибудь новые данные по убийству Валентинова у вас уже появились? – осведомился своим бесцветным голосом Крючков.

Это было в его правилах. Он никогда и ничего не спрашивал при посторонних людях, даже если эти посторонние были его заместителями, с которыми он работал много лет. Годы, проведенные в ЦК КПСС и КГБ СССР, научили его сдержанности. По натуре замкнутый человек, Крючков был фанатично предан работе и часто перестраховывался в ситуациях, когда можно было несколько рискнуть. Что касается секретности, то это был, по его глубокому убеждению, основной показатель профессионализма. Именно поэтому он задал вопрос лишь после того, как остался вдвоем с Шебаршиным.

– Ничего нет, – вздохнул генерал, – я думал подключить к этому расследованию Дроздова.

Это был один из руководителей управления, осуществлявшего активные действия за рубежом. Дроздов особо отличился в Афганистане, и теперь его управление структурно входило в Первое главное управление КГБ СССР.

– Да, – подумав, ответил Крючков, – это будет правильно. Обычными методами мы ничего не добьемся. Это такой позор. Убивают нашего резидента, о котором знали лишь несколько человек.

– У нас есть факты, указывающие, что ему удалось достать доказательства коррупции в Западной группе войск, – ответил Шебаршин, – возможно, его смерть как-то связана с этим.

– Это не наше дело, – нахмурился Крючков, – пусть этим другие занимаются. Мы должны предполагать самое худшее.

Глубоко порядочный и честный человек, Владимир Крючков не любил, когда при нем даже говорили о возможности коррупции. По его глубокому убеждению, любой потенциальный взяточник был немного ненормальным человеком. Справедливости ради стоит отметить, что к началу девяностых КГБ оставался практически единственной структурой, не подверженной массовой коррупции. Все остальные организации, в том числе партийные и государственные органы, милиция, прокуратура, суд, давно и массово были коррумпированы. Метастазы коррупции уже начали разлагать КГБ, когда взятки стали брать в центральных аппаратах республик Средней Азии и Закавказья. Крючков был беспощаден по отношению к подобным провинившимся сотрудникам. Но сейчас он не хотел и не мог предполагать, что убийство его резидента произошло из-за этого. Многолетняя работа в КГБ имела и негативную сторону. Теперь ему всюду мерещились шпионы и заговоры. Именно поэтому он беспокоился, что посланный резидент мог оказаться втянутым в грязную игру западных спецслужб. После своего назначения председателем КГБ в восемьдесят восьмом году он имел слишком много фактов, указывающих на активизацию действий западных разведслужб против его страны. И поэтому становился мрачнее и подозрительнее обычного.

– Нужно подключить аналитиков, – хмуро заметил Крючков, – хорошего специалиста, чтобы сумел грамотно просчитать ситуацию. Дроздов лучше ориентируется на месте. Его люди пусть работают, а аналитики просчитывают ситуацию здесь. У нас сейчас все заняты, работают на референдум.

В марте в стране должен был состояться референдум по вопросу сохранения Советского Союза как единого государства. Шебаршин знал, что итоги референдума очень волновали и высших должностных лиц в государстве, и самого Президента. Но, по прогнозам аналитиков, за сохранение Союза должно было проголосовать никак не меньше семидесяти процентов от числа голосовавших. Горбачев был недоволен таким прогнозом. Он посчитал, что КГБ сознательно исказил результаты голосования, не приняв во внимание сепаратизм прибалтийских республик, позиции Армении, где уже сидел новый национальный лидер – Тер-Петросян, и Грузии, где набравший силу Звиад Гамсахурдиа мог просто сорвать референдум. По приказу Крюčkова аналитики вторично просчитывали ситуацию с референдумом.

– Давайте все-таки задействуем сотрудников Леонова, – предложил вдруг Крючков, – убийство резидента так просто не бывает. А его люди помогут все распутать.

– У нас нет лучших специалистов, – кивнул Шебаршин, – но они по вашему поручению заняты другим делом.

Генерал Леонов возглавлял одно из аналитических подразделений КГБ и обладал огромным опытом работы, успев отличиться еще на Кубе, в начале шестидесятых, когда он близко подружился с братьями Кастро. Большой вклад внес Леонов и во время советско-китайского противостояния, когда его аналитические материалы помогали правильнее оценивать действия КНР на международной арене.

– Нам нужно точно знать, почему убили Валентинова, – бесцветным голосом добавил Крючков, – и знать очень быстро. Дроздов и Леонов составят неплохую пару. Пусть вдвоем и решают этот кроссворд. Что у нас по Юджину?

– Опять неприятности, – вздохнул Шебаршин, – в Болгарию приехали сотрудники ЦРУ, выдают себя за операторов, хотят все о нем узнать более подробно. Нам повезло. Главный врач больницы, в которой лежал двойник Юджина, оказался порядочным человеком. Благодаря его звонку мы знаем теперь об этом. В больнице они, конечно, ничего не найдут. Но, по нашим сведениям, они были и в институте, где якобы учился Юджин. Теперь они наверняка поедут в Елин-Пелин. Наши сотрудники следят за ними, но ничего конкретно сделать не смогут. Вы ведь понимаете. Это уже не та Болгария и не те условия.

– Понимаю, – Крючкову было неприятно само упоминание об изменившейся ситуации, как будто в этом общем развале был отчасти виноват и он сам. – Что думаете делать?

– Не пускать их туда невозможно, – словно рассуждая, сказал Шебаршин, – в прошлом году там были наши сотрудники из внешней контрразведки. Как будто все чисто. Но все предусмотреть просто невозможно. Боюсь, что американцы сумеют найти какие-нибудь фотографии. Достаточно одной, и вся дальнейшая работа Юджина поставлена под вопрос.

– Что передает Циклоп? – спросил Крючков. – Пусть он точнее узнает о наблюдении за Юджином. Может, даже сумеет оказать ему косвенную помощь.

– Не получится, – возразил руководитель советской разведки. – Судя по всему, они уже серьезно подозревают Юджина. Ему и так пришлось переехать в Канаду. Связной передает, что за Юджином часто следят. Мы уже проработали вопрос о его возвращении.

– Он вам больше не нужен? – удивился Крючков.

– Еще как нужен. Вы же знаете, сейчас его фирма выходит на прямые контакты с рядом германских фирм. Проникнуть в Германию из Канады – это лучшее, что мы можем себе представить. С его помощью мы могли бы проверить большую часть оставленной в Германии агентуры. Он будет вне всяких подозрений в Европе. По-моему, ему нужно перебраться в Европу.

– Думаете, американцы оставят его в покое?

– Конечно, нет. Но, во всяком случае, он получит небольшую передышку. По сообщениям Циклопа, у ЦРУ пока нет точных доказательств вины Юджина. Они все проверяют, пытаются установить, что скрывается за его деятельностью.

– Надеюсь, сам Циклоп вне подозрений? – спросил Крючков.

Под этим именем скрывался кадровый офицер ЦРУ Олдридж Эймс, завербованный ПГУ КГБ еще при Крюкове, в восемьдесят пятом году. Эймс курировал вопросы, связанные с работой КГБ, и был в курсе всех событий, так или иначе связанных с деятельностью советской разведки и контрразведки. Но даже Эймс не знал, что у ЦРУ уже имелись точные сведения по деятельности Юджина, или Кемаля Аслана. Аналитическая служба ЦРУ сумела вычислить несколько сообщений Юджина на основе анализа данных своих агентов из Москвы. Эймс об этом пока не мог знать.

– Он наш самый ценный агент в ЦРУ, – сказал Шебаршин.

– Да, – Крючков помолчал, – нужно очень быстро отозвать Юджина. Пусть Циклоп все осторожно проверит. А вы готовьтесь к приему Юджина. Если он переедет в Германию, нам будет намного легче его выгнать оттуда в случае опасности. Все-таки в Восточной Германии пока еще стоят наши войска.

– Я пошлю сообщение, – согласился генерал.

Когда начальник ПГУ вышел из кабинета, председатель КГБ встал и, пройдя в комнату отдыха, сделал несколько гимнастических упражнений, широко разводя руки. Потом прошел к столу, стоявшему в комнате отдыха. Сел на стул и закрыл глаза. Он помнил тот день, когда Юджин должен был улететь в Болгарию. Это было семнадцать лет назад. Как тогда все было просто и ясно. Юджин сделал очень много полезного, но, кажется, и его возможностям приходит конец. Крючков вспомнил о своем бывшем первом заместителе Бобкове, ушедшем на пенсию несколько дней назад. «Уходят лучшие кадры», – с горечью подумал он. Неуправляемая обстановка в стране, фактическая война в Закавказье между Азербайджаном и Арменией, вспышки сепаратизма в Грузии. Народные фронты и националистические движения от Эстонии до Средней Азии. Митинги в Москве и Ленинграде. И в этой обстановке они продолжают работать, пытаются сохранить расплывающуюся страну, практически уже потерявшую всех своих союзников и друзей.

«Почему все-таки убили Валентинова? – тревожно подумал Крючков. – Или это убийство в Праге действительно связано с коррупцией в Западной группе войск?» Впрочем, удивляться нечему. В обстановке полной бесконтрольности может произойти все что угодно. Он решительно встал и пошел в свой кабинет. Нужно будет взять расследование за этим преступлением под свой контроль. И срочно отозвать Юджина.

«Все-таки Леонид Шебаршин предлагает очень авантюрный план», – поморщился Крючков. Такого еще не было нигде в истории. Агент-нелегал, который много лет провел за рубежом и теперь попал под подозрение, не просто отзывался. Просто так отозвать лицо, имеющее на своем счету десятки миллионов долларов, теряя, таким образом, нужную КГБ валюту, они не имели права. И это тоже приходилось учитывать. Но, помимо этого, ПГУ предполагает использовать Юджина во время переезда в Германию для проверки своей версии гибели Валентинова. Крючков подумал, что это слишком много даже для такого опытного агента, как Юджин. «Нужно взять операцию по его возвращению под свой личный контроль», – в который уже раз решил председатель КГБ.

БОЛГАРИЯ. ЕЛИН-ПЕЛИН.

20 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

В этот маленький болгарский городок Уильям Тернер и Томас Райт добирались почти три часа. Сначала они проехали городок, не сумев найти указатель, и лишь затем, вернувшись обратно, обнаружили дорогу, ведущую туда. В город с таким смешным для русского человека и трудным для американца названием – Елин-Пелин – они въехали уже в первом часу дня.

– Куда теперь? – спросил Томас.

– Поедем к дому, где он жил. Раньше это была улица Димитрова. А сейчас, может, ее и переименовали, – подумав, сказал Уильям. – Нам нужен его дом.

– Сначала нам надо найти его улицу, – пробормотал Томас. – Никаких указателей. Хорошо еще, что это маленький городок.

В Болгарии, как и во всех социалистических странах, не было не только подробных справочников автомобильных дорог, но и дорожных карт с указанием названий улиц и площадей. Подобная информация считалась почти секретной, путешественникам в этих странах приходилось достаточно нелегко. Если они пробовали совершить свои вояжи без переводчиков и экскурсоводов Интуриста и подобных организаций, то сталкивались с непреодолимыми трудностями. А представители государственных туристических компаний, как правило, бывали заодно либо с сотрудниками, либо с осведомителями местных органов безопасности.

Дом, где ранее проживала семья Кемалья Аслана, они нашли в результате некоторых поисков. Дом был деревянный – старый, покосившийся, кое-где доски уже разрушились. Они постучали, но никто не ответил.

– Кажется, мы напрасно сюда приехали, – огорченно заметил Томас.

– Постучи сильнее, – посоветовал Уильям.

Томас забарабанил изо всех сил.

Дверь по-прежнему была заперта, и в доме никто не отзывался.

– Может, после его отъезда здесь никто не живет? – предположил Томас.

– Семнадцать лет, – пробормотал Уильям, – этого не может быть.

– Кто вам нужен? – спросил вдруг женский голос.

Они обернулись. Рядом стояла молодая, лет тридцати, женщина. Она держала за руку одетого в теплую куртку мальчика. Мальчик молча смотрел на незнакомцев.

– Простите, – сказал Томас, – мы американские кинооператоры. Приехали снимать фильм о вашем бывшем соотечественнике. Может, вы нам поможете?

– А кого вы ищете?

– Здесь раньше жил Кемаль Аслан, – уточнил Томас, – может, вы помните его семью?

– Нет, не помню, – задумалась женщина.

– Вы давно здесь живете?

– Да, я здесь родилась.

– Может, ваши родители помнят? – спросил Томас. – Здесь проживал американец турецкого происхождения.

– Ах, турки, – сказала женщина.

Болгары все-таки традиционно не любили турок.

– Вы их помните?

– Конечно. Молодой парень и его мать. Они приехали из Америки. Меня тогда еще не было на свете.

– А сейчас здесь кто-нибудь живет?

– Жили. Они переехали в Пловдив. Последние два года редко появляются. Но они купили квартирку еще тогда, когда эти турки здесь жили. Я слышала, он потом попал в какую-то серьезную аварию.

– Ваши родители могут вспомнить об этой семье? – спросил Томас. Уильям молча стоял рядом.

– Да, конечно, – кивнула женщина, – идемте к нам, мы живем недалеко. Мой папа их должен хорошо помнить.

Томас коротко пересказал содержание разговора Уильяму, и тот, согласившись, пошел за женщиной.

Идущий впереди мальчик вдруг обернулся и спросил что-то у Тернера. Томас рассмеялся, качая головой.

– Что случилось? – спросил Уильям.

– Ему кажется, что ты шпион. Я сказал, что дети любят играть в шпионов.

– Почему он так решил? – угрюмо спросил Уильям.

– Их так учили в школе, – засмеялся Томас.

– Плохо учили, – пробормотал Тернер.

Дом, где проживала соседка, оказался не очень далеко. Им пришлось пройти около двухсот метров. С этой стороны улицы был овраг и рядом домов больше не было.

– Идемте в дом, – предложила женщина, первой проходя во двор. Этот двухэтажный дом был не просто обжитым местом. Здесь все было сделано с любовью. Чувствовалась умелая рука хозяев. Они вошли в дом и сразу увидели старого хозяина. Несмотря на годы, он выглядел достаточно крепким человеком.

– Кто эти люди? – спросил хозяин дома.

– Они ищут наших бывших соседей, турок. Приехали из Америки.

Старик нахмурился.

– Американцы?

– Мы операторы, – сказал по-болгарски Томас, – приехали искать материалы по поводу вашего бывшего соседа.

– Так, – непонятно почему сказал старик. И в этот момент в дом вошли трое молодых парней.

– Кажется, мы попали в засаду, – весело сказал Томас.

– И они все похожи друг на друга, – засмеялся понявший все гораздо раньше Уильям. – По-моему, это родственники хозяина дома.

Молодые люди с удивлением смотрели на гостей.

– Мои сыновья, – кивнул старик. – Проходите, садитесь, – пригласил он гостей, – мы сейчас будем обедать.

Здесь обедали традиционно около часа дня. Сыновья работали на небольшой местной фабрике и приходили есть домой.

– Нам нужно остаться, – шепнул Тернеру Томас, – иначе нельзя, они могут обидеться.

Обед проходил почти в полном молчании. Во главе стола сидел хозяин дома. Жена и дочь приносили еду. Мальчик, внук хозяина, словно сознающий ответственность момента, сидел молча и ел вместе со всеми. К обеду подъехал и зять хозяина, отец мальчика, который, торопливо пообедав, поспешил уехать. Он работал руководителем строительного управления и беспокоился, что в город не успеют прийти машины с посланным из Софии оборудованием.

И только после обеда, когда все покинули дом, старик наконец спросил:

– Зачем вы ищете этих турок?

– Он американский гражданин, и мы хотим снимать о нем фильм, – снова терпеливо объяснил Томас.

– А почему молчит твой друг? – спросил старик.

– Он не говорит по-болгарски.

– Они здесь жили, – подтвердил старик, – приехали в начале пятидесятых.

Томас перевел эту фразу.

– Спроси, он помнит мать своего соседа? – попросил Тернер.

– Да, конечно, помню, – ответил старик, – она была красивая женщина, когда сюда приехала.

За его спиной у большого старинного серванта стояли жена и дочь. Жена недовольно нахмурилась. Очевидно, красивая турчанка в свое время испортила много крови болгарским женам.

– Сначала за ним следили, – сказал неизвестно почему старик, – но потом перестали. Мальчик пошел в школу. Учился с нашим старшим сыном в одном классе. Хороший парень был, толковый. Я его помню.

– У них остались фотографии этого парня? – быстро спросил Уильям.

– Нет, – удивился старик, когда его спросили об этом, – конечно, нет. Тогда у нас не было фотографий. Какие фотографии в те годы? Ничего не осталось.

– У нас есть карточка нашего сына, – несмело сказала жена хозяина дома, – мы сняли нашего Богомила в пятнадцать лет. Повезли тогда в Софию.

– Нет, – улыбнулся Томас, – такая фотография нам не нужна.

– Когда они уехали, он помнит? – спросил Уильям.

– Да, – подтвердил старик, – тогда парень поступил в институт и после перебрался в Софию. А за ним уехала и его мать. Но слышал, что молодой человек попал в тяжелую аварию.

– Это мы знаем. А где похоронена мать Кемаля?

– Кажется, в Софии.

– Он никогда после этого не приезжал сюда? – спросил Уильям.

– Нет, – ответил старик.

– Приезжал, – вставила вдруг дочь хозяина, – на свадьбу приезжал. Тогда женился их одноклассник, Богомил в армии тогда был.

– К кому он приезжал? – сразу спросил Тернер. – Это было до аварии?

– Наверное, до, – кивнул старик. – Тогда много людей приехало из Софии. Свадьба была веселой. У Костандиновых гуляли до утра.

Томас перевел и эти слова, добавив от себя:

– По-моему, нам нужно уезжать. Мы больше не узнаем ничего нового.

– Еще несколько вопросов, – не согласился Уильям, – спроси, где работала мать Кемаля?

– Продавщицей в магазине, – перевел Томас.

– Сейчас этот магазин функционирует?

– Нет, он был снесен три года назад.

– Еще один вопрос, – сказал, нахмурившись, Уильям. – Свадьба его соседа была уже позже, в конце шестидесятых. Он сказал, что было много гостей. А фотограф из города приезжал?

– Он не помнит, – зло произнес Томас, и в этот момент молодая женщина сказала:
– Фотограф был. Он всех нас снимал.
– Что она говорит? – почти закричал Тернер.
– Говорит, был фотограф. Делал снимки на свадьбе.
– Где живут их соседи? – вскочил Уильям. – Это самое важное.
Старик смотрел на них, ничего не понимая.
– Вы можете проводить нас к своим соседям? К тем самым, у которых была свадьба? – заикаясь, произнес Томас.

– Да, конечно, – кивнул старик, – вас проводит моя дочь.
– Они уехали или живут здесь?
– Молодые уехали, а старики живут здесь, – сказал старик, не понимая, почему этим американцам так нужна фотография молодого турка. И потом добавил: – Они живут на другой стороне улицы.

– Благодарите старика, и бежим туда, – предложил Уильям.

Томас долго благодарил хозяина.

– Быстрее, – торопил его Уильям.

– Я вас провожу, – предложила молодая женщина.

Они вышли из дома. Уильям почти бежал. Его охватило какое-то непонятное нетерпение, словно после трех дней безуспешных поисков он наконец нашел верный след. Тем страшнее было его разочарование.

У Костандиновых повторилась примерно та же история. Старики долго уговаривали приезжих гостей выпить с ними чаю или пообедать. Затем долго морщились при упоминании о турках. Затем хозяин дома также долго говорил о красоте приехавшей турчанки. И наконец выяснилось, что все свадебные фотографии дети увезли в Софию. Уильям, сдерживаясь изо всех сил, записал адрес молодых Костандиновых в столице Болгарии.

Домой они возвращались в третьем часу дня. Оба молчали. Расстроенные неудачной поездкой, они не обращали внимания на два автомобиля, державшиеся на расстоянии пятисот метров от них. Сидевшие в машинах сотрудники КГБ, уже успевшие установить аппаратуру в машине американцев, слышали каждое их слово. И знали, что у Костандиновых им ничего обнаружить не удалось.

– Кажется, еще немного – и я начну верить в мистику, – признался Томас.

– Или в успешную работу КГБ, – проворчал Тернер.

Сидевшие в других машинах сотрудники КГБ переглянулись.

– Так не бывает, – убежденно сказал Томас.

– Посмотрим, – усмехнулся Уильям.

И оказался прав.

В этот вечер они трижды звонили по нужному им телефону – никто не отвечал. Это еще больше разозлило Тернера, твердо решившего утром найти нужную ему семью и узнать, где фотографии. На следующее утро они нашли семью молодых людей, на свадьбе которых гулял молодой Кемаль Аслан. Несмотря на поиски супругов, фотографии свадьбы найти не удалось. Их в доме просто не было. Хозяева удивлялись, но так и не смогли найти, куда они подевались. Правда, твердо обещали американцам, что если найдут, то обязательно позвонят в посольство.

– Я видел их только вчера, – говорил муж, вываливая из своего письменного стола все бумаги.

Американцы тяжело молчали.

– Не нужно было ездить вчера за город, – говорила жена мужу, – ты вчера так перебрал, что забыл обо всем на свете.

– Но это был мой старый знакомый, – оправдывался муж.

– Старый знакомый, которого ты не видел столько лет, – кричала жена.

– Вы вчера куда-то уезжали? – спросил Томас.

– Да, позвонил мой знакомый, – подтвердил муж, – мы с ним давно не виделись. А тут у него была защита докторской. И мы с женой и детьми поехали туда.

– А детей зачем взяли? – спросил растерянно Томас.

– Он просил приехать с детьми, – сказала жена.

Томас перевел все Тернеру, и тот нахмурился, но ничего не сказал. Попрощавшись, они вышли из дома.

На этот раз Томас был молчаливее обычного.

– Одно из двух, – убежденно сказал он, – либо нам фатально не везет, либо этот Кемаль Аслан просто дьявол. А может, и то и другое одновременно.

– Завтра опять поедем в больницу, – решил Тернер, – нужно лучше искать.

– К этому типу? – изумился Томас. – Ты ведь сам говорил, что от него мы ничего не получим.

– У нас просто не осталось других шансов, – задумчиво сказал Тернер. – Кажется, я придумал один интересный ход.

Они прошли к автомобилю. Томас Райт сел за руль. Потом, посмотрев назад, задумчиво произнес:

– Ты знаешь, мне кажется, за нами кто-то следит.

– Очень может быть, – меланхолично заметил Уильям.

– Я сейчас проверю, – пробормотал Томас.

Через десять минут он изумленно произнес:

– Кажется, здесь ничего не изменилось. По-моему, у нас на хвосте КГБ.

– Давай в посольство, – решил Тернер, – мне нужно позвонить.

Они приехали к зданию американского посольства.

Тернер прошел в кабинет атташе по вопросам культуры и, позвав следовавшего за ним Томаса, попросил:

– Позвони в эту семью молодых Костандиновых и спроси, когда их позвали на эту вечеринку.

Томас, ничего не понимая, набрал номер и спросил. Потом положил трубку.

– Может, ты мне объяснишь, что происходит? – спросил Томас.

– Что тебе сказали?

– Их пригласили вчера вечером. Их знакомый даже заехал за ними на своем автомобиле.

– Все правильно, – вздохнул Тернер, – мы с тобой дураки.

– Почему?

– КГБ знал, куда мы поедем. Пока мы обедали вчера у того старика, они установили в нашем автомобиле свои «жучки». А вечером они опередили нас и вывезли всю семью за город, чтобы незаметно вытащить фотографии.

– Господи, – даже испугался Томас, – ты представляешь, как они действуют? Это же нужно было успеть за такое короткое время! Просто здорово работают!

– Поэтому я сказал в автомобиле, что у меня есть интересный ход. Завтра тебе нужно будет незаметно сделать фотографию. Сумеешь?

– Конечно. У меня есть фотоаппарат, спрятанный в зажигалке. А почему ты спрашиваешь?

– Завтра я устрою им показательные выступления, – пообещал Уильям. – Вспомни принцип дзюдо: «падая, схвати своего партнера, оборачивая свое поражение в победу».

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Томас. – Нужно найти их «клопы» в нашем автомобиле.

– Не нужно, – успокоил его Тернер, – завтра мы возьмем реванш.

МОСКВА.

21 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Руководство Комитета государственной безопасности располагалось в центре столицы в знаменитом на весь мир здании Лубянки, которое было символом несокрушимости Советского государства и его карательных органов. Монументальное сооружение лучше всяких других олицетворяло мощь государственного аппарата. Если ЦК КПСС состоял из комплекса зданий, растянувшегося на несколько кварталов, а Кремль, хотя и считался официальной резиденцией главы государства, употреблялся в нарицательном смысле слова, как «Белый дом» или «Елисейский дворец», тем не менее в сознании советских людей оставался красивой картинкой, передаваемой во время парадов и разрешенных демонстраций, традиционно проходящих Первого мая и Седьмого ноября. Здание КГБ, напротив, хотя и построенное до революции и предназначенное для малоизвестного страхового общества, тем не менее сумело стать тем самым строением, которое одновременно внушало ужас и гордость за огромную державу, раскинувшуюся от Тихого океана до берегов Балтики.

Но мало кто из советских людей знал, что руководство советской разведки, ее штаб находится не здесь, а в построенном в начале семидесятых большом комплексе в Ясенево. И если название «Лэнгли» было понятно и принято во всем мире как синоним слова ЦРУ, то название «Ясенево» так и не было произнесено ни разу в Советском Союзе ни в печати, ни по телевидению. Но именно здесь и размещалось все руководство Первого главного управления КГБ СССР, или, говоря обычными словами, руководство советской разведки.

В этот день начальник ПГУ пригласил к себе людей, которые должны были проводить операцию «Троя». Название операции было придумано эрудированными сотрудниками генерала Леонова. Оно было связано с троянской войной и даром, принесенным данайцами, который, как известно, оказался троянским конем, внутри его находились греческие воины. Таким «троянским конем» в период своего переезда в Германию должен был стать агент Юджин, которого планировалось использовать для дальнейшего выяснения судьбы Валентинова, так нелепо погибшего в Праге. Из Германии Юджин, как Одиссей, должен был вернуться на родину после многолетнего отсутствия. Название операции понравилось всем. В первую очередь руководителю советской разведки генералу Шебаршину.

Кроме него, в кабинете сидели трое офицеров. Справа находился худой, подтянутый, строгий генерал Дроздов, один из легендарных руководителей управления, возглавлявшего активные действия советской разведки за рубежом. Имя и деятельность этого человека были тайной даже для многих сотрудников КГБ. Напротив него сидел другой генерал, человек исключительно интересной судьбы, сумевший фактически в одиночку оказать немаловажное влияние на мировые процессы в начале шестидесятых годов. Тогда еще молодой офицер, Леонов, специалист по проблемам Латинской Америки, был первым человеком в советской разведке, кто сумел осознать и понять природу антиправительственных выступлений молодых революционеров на Кубе. Фактически ни братья Кастро, ни Че Гевара не были теми революционерами, которыми их сделала позже советская печать. Во многом кубинская революция была радикальной формой свержения прогнившей диктатуры Батисты, сделавшего из своей страны один большой публичный дом со своими казино и барами для отдыхающих американцев. Кастровское движение тогда носило отчетливо антифеодальный, антиклерикальный и во многом троцкистский, леворадикальный характер своеобразного бунта молодых людей против существующего режима. Фидель Кастро, вошедший во главе своей победоносной армии в Гавану

и совершивший революцию, не был ни коммунистом, ни даже социалистом. Он был скорее ультралибералом со своей мешаниной взглядов анархиста, троцкиста, эсера и антиклерикала.

Именно Леонов понял, как можно использовать победу молодых революционеров. Именно он близко сошелся с братьями Кастро, став их негласным советником. И именно с его подачи Фидель Кастро начал все увереннее говорить о социалистических ценностях и окончательно перешел на сторону Советского Союза. Теперь руководитель аналитического управления генерал Леонов сидел за столом и смотрел на лежавший перед ним чистый лист бумаги. И, наконец, рядом с Дроздовым сидел третий офицер, имя которого никогда не произносилось даже в присутствии коллег. Для всех он был просто полковник Сапин. Под этой фамилией в КГБ работал руководитель специальной группы инспекторов Комитета государственной безопасности Георгий Александрович Костава. И если про Дроздова и Леонова еще кое-что можно было узнать или услышать, и если про самого генерала Шебаршина было известно даже, что свое боевое крещение он проходил в соседнем Иране, то про Коставу не было известно никому и ничего. Просто потому, что формально такого человека не существовало вообще. Вместо него в органах КГБ работал полковник Григорий Сапин.

Теперь, слушая задание, Костава хмурился. Ему не нравилась сама установка на вызов Юджина в Германию и его использование в качестве проверяющего в сложной операции, связанной с гибелью Валентинова. Как опытный профессионал, он понимал продуманность шагов аналитиков и управления по работе с нелегалами для поэтапного возвращения Юджина. Нужно было не просто вернуть агента в Москву, но и разместить с максимальной выгодой его капиталы за рубежом. Но сама мысль, что агент, проработавший столько лет за кордоном и теперь находящийся на грани провала, должен принять участие еще в одной операции, беспокоила его более всего.

Шебаршин закончил рассказывать и взглянул на полковника. Формально Сапин был единственным офицером из присутствующих, который не подчинялся даже начальнику ПГУ. Он непосредственно подчинялся председателю КГБ, выполняя его наиболее сложные и деликатные поручения. Кроме того, ни для кого не было секретом, что инспектора КГБ часто выполняли специальные задания, связанные с проверкой деятельности высокопоставленных сотрудников аппарата КГБ. Это были своего рода внутренние надзиратели в разведке и контрразведке. Об их деятельности часто вообще не было известно ничего, настолько секретной и закрытой была их форма работы.

После информации начальника ПГУ в кабинете наступило молчание. Сапин обдумывал сказанное, а другие генералы, уже знавшие о подготовке к операции, молча смотрели на него.

– Я вас понял, – сказал полковник начальнику ПГУ, – вы хотите снова использовать своего агента. Может, это и правильно. Если даже его подозревают американцы, вы ничем не рискуете.

– Да, – сказал Шебаршин, – по нашим расчетам, он должен прилететь в Германию через несколько дней. Мы уже послали ему приказ перебираться в Берлин. Там он и встретится с людьми Валентинова. Мы должны точно установить, кто из них выдал маршрут убитого резидента.

– Сколько человек знали о поездке Валентинова в Прагу? – спросил Сапин.

– Здесь, в аппарате, несколько человек. И трое в Германии, – ответил Дроздов, – мы сумели все проверить. Валентинов был хорошим специалистом. Но так нелепо погиб...

– Может, это простое ограбление? – предположил Сапин.

– Мы отработывали и эту версию, – сказал Леонов, – но не получается. Убийцы даже не забрали машину, хотя ключи были в кармане убитого. Да и деньги не взяли, даже не став маскироваться. Видимо, искали нечто более важное. Мы считаем, что это документы Валентинова, которые он должен был везти в Софию. И о них тоже не могли знать чужие.

– Вот их имена, – сказал Шебаршин, взглянув на лежавший перед ним листок. Он хотел прочитать имена, но почему-то не стал этого делать. И хотя он абсолютно доверял обоим своим генералам – Леонову и Дроздову, тем не менее молча передал список с именами Сапину. Тот развернул листок. На нем были написаны три фамилии: Софи Хабер, Ральф Циге и Яков Горский.

Полковник закрыл листок и вернул его Шебаршину, постаравшись запомнить все три фамилии.

– Только они?

– Да.

– Когда произошло убийство?

– Восьмого января.

– Уже тринадцать дней! – удивился Сапин. – И вы ничего не смогли обнаружить?

– Практически нет.

Сапин ничего не сказал.

– Я понимаю ваше молчание, – вмешался Дроздов, – но мои люди на месте пытаются решить эту проблему. Пока, к сожалению, нам нечем похвастаться.

– Прибавьте к этому конфликт на Ближнем Востоке, – заметил Леонов, – у американцев это сейчас самое болезненное место. Хотя, нужно отдать им должное, они прекрасно подготовились, и, видимо, разгром армии иракцев произойдет в ближайшие дни. Слишком велико неравенство в технике и компьютерном обеспечении.

– А пока Саддам Хусейн посылает ракеты в сторону Израиля, – заметил Шебаршин, – я не думаю, что американцам так легко удастся убрать Саддама Хусейна из Ирака. Он там настоящий национальный герой. На Востоке свои порядки и свои тонкости, которых часто не понимают люди с европейским складом мышления. Даже проиграв войну, Саддам будет героем, сражавшимся против армады западных завоевателей.

Никто не стал возражать. Все знали, что у начальника ПГУ был большой опыт работы в восточных странах.

– Вернемся к Юджину, – предложил Шебаршин. – Мы отзываем его в Берлин и поручаем начать перевод своих денег в немецкие и швейцарские банки на счета, которые мы укажем. Судя по нашим данным, Валентинов вышел на крупные сделки по поставкам оружия и боеприпасов. Ральф Циге очень ему помогал. Он банковский служащий. И весь вопрос был в том, кто и зачем торгует оружием в нашей Восточной зоне. У Валентинова было подозрение, что это делают в том числе и некоторые наши генералы. При последней встрече он признался, что у него есть документы, рисующие, как он выразился, «неприглядную картину». Значит, Юджин, обладающий свободными средствами, может оказаться очень удобным кредитором и покупателем.

– А если это все-таки игра американской или западногерманской разведки? – предположил Сапин.

– В таком случае мы все равно ничего не теряем, – ответил Шебаршин. – Они и без нас возьмут под контроль все счета Юджина. Но мы будем наконец знать, кто и зачем убрал нашего резидента.

– Для этого нужно сначала знать, кто из троих помощников нашего резидента сдал его, – напомнил Дроздов.

– Конечно, – согласился начальник ПГУ, – поэтому мы и решили подключить вас, полковник Сапин.

– Когда мне нужно выезжать?

– Чем быстрее, тем лучше. Учтите, что американцы уже прислали своих людей в Болгарию, пытаюсь установить, кто был послан к ним в страну – наш нелегал, выдающий себя за их бывшего гражданина, или завербованный нами болгарский гражданин турецкого происхождения

ния. Раз они стали это выяснять, значит, положение Юджина не просто сложное. Оно очень опасное. И мы отзываем его в Берлин. Вам нужно не просто помочь в решении этой задачи, но, по возможности, обеспечить безопасность.

– Интересная задача, – словно размышляя, произнес Сапин. – С одной стороны, американцы, идущие по пятам за нашим агентом. С другой – убитый резидент и предатель среди его помощников, на которых должен выйти наш агент. Вы думаете, он справится? Пройти между Сциллой и Харибдой удавалось немногим. Почему вы назвали свою операцию «Троя»? По-моему, лучше было бы «Возвращение Одиссея». Как-то даже поэтичнее. Судя по всему, Юджину придется посложнее, чем Одиссею.

– Мы это понимаем, – согласился Дроздов, – я помню, в какое трудное положение он попал шесть лет назад, когда предательство Гордиевского в Англии стало для нас очевидным. Американцы тогда даже арестовали Юджина. Нам пришлось пойти на беспрецедентные меры, чтобы его освободить. Мы сдали американцам нескольких наших действительных агентов, разрешили побег на Запад Гордиевского, устроили ложный переход на другую сторону Юрченко. И все было сделано ради Юджина. Тогда ему удалось выкрутиться. Я думаю, он сумеет решить все задачи, я верю в этого парня.

– Сложно, – вздохнул Леонов, – полковник Сапин прав. На этот раз все будет гораздо сложнее. Если бы не его деньги, мы могли бы просто вернуть агента домой. Но в данном случае мы должны учитывать и этот фактор.

Собеседники понимали, что имел в виду генерал Леонов. Нелегалы советской разведки, действующие за рубежом, часто работали под видом очень обеспеченных людей. Достаточно вспомнить Гордона Лонсдейла или Конона Молодого, который работал в Англии и имел достаточно большой капитал. В таких случаях делалось все, чтобы перевести деньги агента на безопасные счета и сохранить валюту для других сотрудников КГБ, отбывающих за рубеж. Правда, деньги не всегда удавалось спасти полностью. В случае с Юджином КГБ просто не имел права терять десятки миллионов долларов, которые были так нужны разведке. Поэтому приходилось действовать с оглядкой на деньги Юджина, понимая, что второго такого миллионера, получившего большое наследство от дяди, КГБ не скоро удастся подобрать.

– А если американцы смогут отследить, куда именно Юджин переводит свои деньги? – спросил Сапин. – Это ведь еще хуже. Мы подставим под удар и будущих агентов, которые поедут за рубеж.

– Это уже наши проблемы, – засмеялся Дроздов. – У нас есть такие специалисты, что никакое налоговое управление никогда не найдет этих денег. Создаем несколько ложных компаний, переводим им деньги, затем размещаем остаток средств в банках нейтральных стран. Мы достаточно часто проделывали такие трюки. Говорят, что советские люди – бюрократы. На самом деле бюрократы американцы, которые все неиспользованные деньги агентов честно возвращают в бюджет. Чтобы перевести средства в какой-либо банк, им приходится согласовывать это решение с десятками людей, среди которых может быть и чужой агент.

– Убедили, – засмеялся Сапин, – больше не спрошу про деньги ни слова. Я вылечу в Берлин завтра утром. Мне нужны все материалы по помощникам Валентинова: чем они занимались раньше, какого рода проблемы контролировал наш убитый резидент. И, конечно, досье на Юджина. Я должен хотя бы примерно представлять образ его действий, форму мышления.

– Документы уже готовы, – кивнул Шебаршин, – но выносить их из здания нельзя. Я сам должен открывать досье на Юджина. По нашему положению, эти секретные досье имеет право смотреть только начальник Главного управления или сам председатель КГБ СССР. В крайнем случае, его первый заместитель. У нас такие строгие порядки. Целиком досье я вам не имею права отдавать.

– Я все знаю, – улыбнулся Сапин. – Почему вы, разведчики, так не любите инспекторов? Вам все время кажется, что мы занимаемся не тем делом.

- Это правда, – проворчал Дроздов, – очень часто совсем не тем.
- Спасибо за откровенность. Я думаю, что смогу рассчитывать на вашу помощь.
- Можете, – улыбнулся Дроздов, – хотя не уверен, что вы попросите помощи. Вы в отличие от нас страдаете другим комплексом – излишнего самолюбия.
- Вот теперь я знаю, почему разведчики нас так не любят.
- Вчера в Болгарии, – хмуро сказал Шебаршин, – американские визитеры едва не получили фотографии настоящего турка, под именем которого действует Юджин. Людям Дроздова чудом удалось успеть несколько раньше. Запретить поездки сотрудников ЦРУ в Болгарию мы не можем. Просто не те времена. А помогать нам никто особенно не будет. Хорошо еще, что у нас в Болгарии есть много друзей и пока нам удастся контролировать ситуацию. Но это лишь вопрос времени.
- Вы думаете, они сумеют установить, кто именно действует под именем Юджина? – спросил Сапин. – Сумеют установить, что он работает на нас?
- Они это уже знают, – хмуро заметил Шебаршин, – сегодня утром мы получили сообщение от нашего агента в ЦРУ. Они точно знают, что Юджин работает на нас. Теперь им важно только установить, кто он.

ТОРОНТО.

22 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Он стоял в аэропорту, сжимая в руках букет свежих цветов. Она обещала прилететь из Вашингтона именно этим рейсом. Наверное, опять задержалась в столице и не успела вылететь к себе в Новый Орлеан. Последние месяцы они встречались очень нерегулярно, на обоих сказывался напряженный график работы. Он посмотрел на часы. Самолет приземлился десять минут назад. Сейчас она должна выйти. Он уже давно приучил себя не думать о плохом, стараться максимально отвлекаться от конкретной ситуации, иначе постоянный пресс давления на его нервную систему мог просто свести с ума. Он был готов к любой неприятности, но старался не думать о худшем, пока все шло нормально.

Сандра наконец появилась у выхода. Он подождал, пока она подойдет достаточно близко, и шагнул к ней с цветами. Ее глаза радостно заблестели. Иногда он спрашивал себя, почему эта красивая и незаурядная женщина любит его вот уже столько лет? И не находил ответа на этот вопрос.

- С приездом, – сказал он, обнимая любимую женщину.
- Спасибо, – она улыбалась, – кажется, в Торонто погода лучше, чем в Вашингтоне.
- Это я попросил.
- А я не сомневалась.

У нее в руках была лишь дорожная сумка, больше никакого багажа. И они прошли к стоянке автомобилей.

Они были знакомы уже девять лет, познакомившись еще тогда, когда он работал в Техасе и был женат на подруге Сандры – Марте Саймингтон. Брак окончился неудачей, вскоре Кемаль развелся. И только после этого начал встречаться с Сандрой Лурье. Только после знакомства с ней он узнал, что она является вице-губернатором штата Луизиана. Только после знакомства с ним она узнала, что он муж ее подруги.

Кемаль полюбил сразу эту сильную и элегантную женщину. Ни разу за все годы он не использовал информацию, получаемую от нее, в качестве источника, на который можно было сослаться. Да Сандра и знала не особенно много, если учесть, что она не занималась вопросами

промышленного обеспечения космической и военной промышленности Америки, составлявшей главный объект исследований Кемалья Аслана.

Вскоре их партия потерпела поражение на выборах, и Сандра благополучно закончила карьеру вице-губернатора, вернувшись в адвокатскую контору своего отца. Правда, в девяностом на выборах она все-таки выставила свою кандидатуру и прошла в конгрессмены от штата Луизиана. Но это был лишь частный случай ее успеха. К тому же как конгрессмен она входила в комиссию, занимавшуюся вопросами медицинского и социального страхования и никаких особых секретов не могла знать. Именно поэтому контрразведчики ФБР и отдела внутренней контрразведки ЦРУ не обращали внимания на встречи подозрительного объекта с Сандрой Лурье, полагая, что ничего страшного в этом нет. Правда, при этом они изрядно отравляли жизнь самому Кемалю, умудряясь наблюдать за его спальней и расставляя повсюду свои микрофоны. Именно поэтому у него с Сандрой выработался неизменный ритуал встреч. Они ездили по городу и его окрестностям, обедали где им нравилось и останавливались в первом встреченном, достаточно комфортабельном отеле, куда сотрудники ЦРУ еще не успели подложить своих «клопов». Сандра находила в этом особую прелесть, какую-то своеобразную романтику, не подозревая, что Кемаль это делает вынужденно, из опасения находиться в постели не вдвоем с любимой женщиной, а впятером или вшестером – с агентами, их подслушивающими.

И несмотря на такие сложности и ухищрения, он любил эту женщину, любил ее кошачью мягкую, плавную походку. Любил ее красивые ноги, четко очерченные скулы лица, ее роскошные волосы. И не представлял жизни без нее. Но все девять лет он отчетливо понимал, что это когда-нибудь кончится. Когда-нибудь Питер Льюис, его адвокат, проживающий в Нью-Йорке, и по совместительству связной советской разведки, принесет известие о том, что ему пора возвращаться. И тогда он должен будет делать выбор, понимая, что больше никогда не сможет увидеть любимую женщину.

Он часто думал об этом. Может, каждая любовь, каждое большое чувство людей друг к другу – это величественный вызов смерти, вызов вечности. Понимая, что ничто не вечно, что одиночество неизбежно и смерть не приходит одновременно, люди тем не менее осмеливаются бросить вызов судьбе, вечности и смерти. И живут так, словно смерти не существует. Словно вечность, ожидающая их за порогом небытия, все равно отступает перед этим великим вызовом энтропии, разрушающей все, кроме подлинных чувств. Думая об этом, он приучил себя относиться к мысли о неизбежном расставании как к своей внезапной смерти, после которой не должно быть ни Сандры Лурье, ни его сына – Марка, которому в этом году уже исполнилось двенадцать лет. Конечно, Кемаль не имел права жениться и тем более разводиться. Не имел права на ребенка. Впрочем, когда он узнал о том, что Марта должна рожать, было уже поздно что-либо предпринимать. Марта всегда была беспечной женщиной. И само появление Марка вызвало огромную радость и тревогу одновременно. Кемаль слишком долго жил в Америке, чтобы осознавать, как именно будут относиться к сыну советского агента. Помешанные на любви к своей стране и своей свободе, американцы не прощали подобного предательства никому, справедливо полагая, что подобное нельзя прощать ни при каких обстоятельствах. Теперь, сидя рядом с Сандрой, он вел машину по направлению к центру города и молча слушал женщину, рассказывающую, как она добиралась до Торонто. В Вашингтоне была нелетная погода, и она не смогла вовремя вылететь в Новый Орлеан. Тогда она решила лететь в Торонто, и едва погода немного прояснилась, поехала в аэропорт и взяла билет в Канаду.

– Как твоя дочь? – спросил Кемаль.

Дочь Сандры два месяца назад вышла замуж, и он был в числе приглашенных на свадьбу. Но не поехал в Америку. Его связной Питер Льюис справедливо рассудил, что в условиях сжимающегося вокруг Кемалья кольца и слишком откровенного, назойливого любопытства американских агентов к своему подопечному в Канаде лететь в Луизиану будет слишком опасно, и Кемаль вынужден был остаться в Канаде, сославшись на весьма важные дела. Сандра явно

обиделась, но ничем не дала понять, как она недовольна. И только теперь, спустя два месяца, спросила:

– Это тебя так волнует?

Он помрачнел.

– Ты ведь знаешь, у меня были важные дела.

– Из-за которых ты не мог прилететь даже на несколько часов, – заметила женщина, – я помню.

– Я ведь тебе объяснял.

– Я помню, – снова повторила она.

– Кажется, мы начинаем ругаться.

Она улыбнулась.

– Кажется, да.

Он взглянул на нее.

– Не могу понять, когда ты говоришь серьезно, а когда шутишь.

– Как и я.

– По-моему, мы идеальная пара, ты не находишь?

– Да, – согласилась она, – по-моему, тоже.

Он любил ее и за эти удивительные переходы, когда при любой надвигающейся размолвке или ссоре она умела улыбнуться и разрядить грозу, не доводя до разрыва.

– Ты знаешь, – сказал Кемаль, уже въехав в город, – я, кажется, впервые понял, кто ты такая.

– Да? – удивилась женщина. – Это интересно. И кто же я?

– Идеальная женщина для любящего мужчины. Кажется, была такая пьеса.

– Никогда не слышала. Но все равно приятно. Я должна вернуть комплимент?

– Не обязательно.

– Ты становишься слишком скромным.

– Это возраст, – пробормотал он, – мне уже скоро будет пятьдесят.

– Еще не скоро, – запротестовала она, – ты совсем не старый. И с твоей стороны просто некрасиво напоминать о моем возрасте.

– Я разве напоминал?

– А кто спросил о дочери? Ты знаешь, у нее должен быть ребенок. Я буду бабушкой, Кемаль. Представляешь: бабушкой! – Она произнесла эту фразу сначала по-английски, затем по-французски. Жители Луизианы традиционно хорошо говорили и на французском языке.

– Ты будешь самой очаровательной бабушкой в Америке.

– И ты будешь встречаться с бабушкой? Вот тогда ты можешь вспомнить и о своем возрасте.

– А я о нем все время помню, – угрюмо ответил он, – и еще о многом другом.

– Ты можешь остановить автомобиль? – вдруг спросила она.

Он удивленно взглянул на нее, но нажал на тормоза, останавливая машину. Она посмотрела ему в глаза и вдруг, нагнувшись, приблизила лицо и первой поцеловала его. Поцелуй был долгим, словно они проделывали это в первый раз. Очень долгим. Они на секунду забыли обо всем на свете. И в этот момент в стекло кто-то требовательно постучал.

– Черт возьми, – пробормотал Кемаль, – кажется, даже здесь нам не дадут спокойно сидеть.

У дверей автомобиля стоял полицейский.

– Простите, – вежливо сказал он, – но здесь нельзя останавливаться. Вам нужно проехать немного вперед.

– Спасибо, офицер, – улыбнулся Кемаль, – мы сейчас проедем. Извините нас.

– Ничего, – улыбнулся полицейский, – вы делали это так здорово, что мне не хотелось вас отвлекать.

Сандра улыбнулась.

– Благодарю вас, – сказала она на прощанье.

Они проехали немного вперед.

– Кажется, нам придется остановиться еще раз, – неожиданно нахмурилась Сандра, – у нас просто нет другого выбора.

Он снова взглянул на нее.

– Что случилось?

– А ты не догадываешься? – так же мрачно спросила она.

– Что-нибудь случилось?

– Конечно.

– Ничего не понимаю. Почему нам нужно останавливаться?

– Отель рядом, – показала она на здание с правой стороны. И широко улыбнулась.

– Господи, – прошептал он, – ты действительно необыкновенная женщина. Я согласен.

И повернул автомобиль к отелю.

Они никогда не уставали друг от друга. Каждая встреча, десятая, сотая, тысячная, словно открывала нечто новое в каждом из них. Это было даже не влечение, это было нечто необъяснимое и тревожное. Люди называли это Любовью, а ему казалось это погружением друг в друга. И чем глубже бывало погружение, тем интереснее бывали они друг для друга, открывая в своем партнере новые, ранее неизвестные черты. Только интимное общение способно обнажить человеческую душу, проявляя все качества характера. Только здесь отчетливо проявляется характер человека – закрытый или открытый, благородный или подлый, добрый или злой. Только в эти моменты человек сбрасывает свою маску, становясь самим собой. И, может быть, худшая из профессий – лицедейство «жриц любви», умудряющихся притворяться даже в эти мгновения откровений. Но лишь когда применяются механические приемы любви, не способные затронуть душу женщины. И лишь только подлинное чувство коснется души самого развращенного существа, как оно способно преобразиться, даруя истинное, а не притворное наслаждение своему партнеру. Справедливости ради стоит отметить, что у некоторых категорий людей душа давно атрофировалась и просто не способна на настоящее чувство, встречающееся как истинная ценность очень редко и не у всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.